

ИЛЬЯ БУШМИН

Анабиоз

Илья Бушмин

Анабиоз

«Издательские решения»

Бушмин И.

Анабиоз / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743493-9

На этой чертовой планете в меня верит только один человек. Мой младший брат. Но однажды он исчез. Сел в поезд — и больше его никто не видел. Две тысячи километров железной дороги. Рельсы идут через всю страну. Где-то там мой брат попал в беду. И я единственный, кто может ему помочь. Я чувствую, что он жив и что я нужен ему. И я не успокоюсь, пока не найду его. Чего бы мне это ни стоило. Тогда я даже не подозревал, во что ввязываюсь... «Анабиоз». Второй роман Ильи Бушмина.

ISBN 978-5-44-743493-9

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Круг седьмой	6
1	6
2	11
3	14
4	19
5	23
Круг шестой	27
1	27
2	32
3	37
4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анабиоз

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

Корректор Юлия Фикс

ISBN 978-5-4474-3493-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Круг седьмой

1

– Квитанция.

Голос у сотрудника блока хранения СИЗО был характерный: высокомерный, холодный. Всем своим видом он давал понять, что говорит с дерьмом и ничтожеством, находящимся от него по социальной лестнице так же безнадежно далеко, как дикие древние люди от богов с Олимпа.

Я молча протянул квитанцию. Сотрудник вздохнул, исподлобья одарив меня взглядом «как-же-вы-достали-долбаные-урки». Нехотя встал и скрылся где-то в глубине помещения, оставив меня созерцать его рабочее место сквозь решетку.

Минут через пять он вернулся. В руках черный пакет с биркой, на которой было нацарапано мое имя и прочие идентификационные данные.

– Так. Начнем, – пакет зашуршал. Сотрудник выудил из него тонкий зажим для денег. – Это что, кошелек?

– Калита, – буркнул я.

Сотрудник ничего не понял. Бросил на меня суровый взгляд. Он не любил слышать слова, которых не понимал. Заглянул в зажим для денег и положил передо мной.

– Кошелек. Деньги в количестве 150 рублей.

Полгода назад там лежали три штуки. Но я промолчал. По пути к камере хранения СИЗО зажим побывал у оперов, затем в дежурной части родного ОВД, после чего прошел еще через несколько рук и лишь затем оказался здесь. Вряд ли сотруднику блока хранения досталось хоть что-то.

– Браслет какой-то... – озадачился сотрудник, покачал головой и положил предмет передо мной, на полку в окошке решетки. – В общем, кожаный браслет.

Это была фенечка, которая крепилась на руке с помощью двух магнитов. Толстая, в половину пальца толщиной, и длинная – она овивала запястье дважды. Если использовать ее как хлыст, можно выбить глаза. Пару раз с упырями с района я такое проворачивал.

Я молча защелкнул браслет на правом запястье.

– Ключи.

Тонкая связка ключей. Два из них от дома предков. Третий от съемной квартиры, где я ютился еще полгода назад. Сейчас этот ключ можно было выбрасывать.

– А это что за хрень?

Последним предметом, который сотрудник выудил из пакета, была явара. Пластиковая ладонная палочка с тупыми концами и резьбой, чтобы не выскользнула из рук.

– Брелок.

– А чего не на ключах?

– Откуда я знаю. Я полгода его в руки не брал. Может, кто-то из ваших с моими вещами игрался?

Сотрудник прищурился. Ему хотелось обложить меня матом, как он привык. Я смотрел ему в глаза и ждал реакции. И он увидел, что я не боюсь. Мне на самом деле было плевать. Сотрудник угрюмо хмыкнул и почти швырнул явару на полку.

– Все.

Сотового телефона мне не вернули. Я не был удивлен. Моя мобила была краденной.

– Распишись в получении... Рогов.

Через несколько минут, пройдя по тусклому унылому коридору сквозь вереницу одинаково тоскливо скрипящих железных дверей, я оказался в дежурной части СИЗО. Здесь увидел надзирателя из нашего блока. Он только прибыл на смену. На плече висела сумка.

– Что, Рогов? – хмыкнул надзиратель. – Отпустили?

– Как видите.

– Ничего. – он ткнул мне в грудь свой толстый палец. – Я знаю таких, как ты. Пара пьянок, кореша, мордобой – и вот ты снова здесь. Так что не прощаемся.

Я знал, что этого не будет никогда. Потому что я обещал. Обещал Сергею. Но я промолчал. Мне хотелось побыстрее свалить отсюда.

Меня никто не встречал. Перед СИЗО кучками стояли люди. Посетители к другим арестантам. Никого из моих не было. Не было даже Сергея.

А ведь он должен был меня встретить. Если не он – то вообще кто?

У парня, чья физиономия была попроще, стрельнул сигарету. Закурил. И понял, чего сейчас мне хотелось больше всего. Нет, даже не хорошей ванной или хотя бы душа. Выпить. Чего-нибудь холодного. И, желательно, покрепче.

Но у меня было всего 150 рублей.

Поправив на плече рюкзак с личными вещами, которые скрашивали мой досуг в камере, я двинулся к проходной. На выезде с территории СИЗО топтался молодой, моложе меня, пацан в форме и говорил по телефону. С девушкой. Он ее успокаивал, а она явно не хотела успокаиваться. Встретив мой взгляд, пацан зло поджал губы и зло уставился на меня. Ему не терпелось дожидаться, когда я смоюсь, и он сможет продолжить препираться со своей девчонкой.

– Удачи, – хмыкнул я и, наконец, покинул территорию.

По улице сновали машины. Шум, такой забытый за последние месяцы, вибрировал вокруг. Шорох шин по асфальту, рычание двигателей, звуки сигналов, какая-то музыка, голоса – все сливалось в один сплошной гул города... Я полной грудью, жадно вдохнул воздух.

Можно было пойти к метро, ближайшая станция была рядом. Но при мысли о душном людном подземелье, куда придется окунаться, только покинув душную вонючую камеру, я тут же отогнал эту идею.

И просто двинулся вдоль тротуара. Глаза искали магазин. Торговую точку я нашел через пару сотен метров. Магазинчик был крохотным, но все, что мне сейчас было нужно, здесь имелось.

– Сигареты, – я назвал продавщице марку. – Зажигалку. И бутылку пива.

На ценниках виднелись цифры. После тупого душного мирка в СИЗО голова соображала туго. Лишь когда продавщица сообщила, сколько стоит все это удовольствие, я сообразил, что это цены. Всего полгода, но все выросло в цене.

– Тогда что-нибудь подешевле. Мне не хватит. Зажигалку не надо, просто спички. Вот эти сигареты. А пиво самое дешевое какое-нибудь. Только холодное, – продавщица выполняла все невозмутимо. – Давно цены так задрали?

– На табачную продукцию цены каждый месяц повышают, – поведала она. – О вашем же здоровье заботятся, кстати.

– А поликлиники новые открывать и врачей учить по-настоящему, а не как сейчас, не пробовали? Хотя других проще заставлять тратиться, чем тратить самим.

Почему-то ее обрадовало продавщицу, и она даже улыбнулась, принимая деньги. Забавные и странные люди.

Бутылку я вскрыл старым дворовым способом – с помощью заборчика около магазина, оперев зубья крышки в его поверхность и как следует двинув по крышке сверху.

Что делать дальше, я не знал. Можно было отправиться к Тимуру и отметить как следует то, что меня наконец отпустили. Тем более – я это точно знал – я бы не оказался на свободе, если бы Тимур не подсуетился как следует.

Но меня никто не встретил. Тимур – бог с ним. А вот Сергей...

Допив пиво, я швырнул бутылку в урну и шагнул к проезжей части. После полугодового воздержания я почувствовал, что сразу захмелел. В голове повело. Дышать стало легче. Я поднял руку и принялся голосовать.

Останавливаться никто даже не собирался. Во-первых, рядом СИЗО. Во-вторых, ни один человек в здравом уме, если разобраться, в свою машину меня бы не пустил. Небритый и обросший – грязные провонявшие камерой волосы доходили почти до плеч. В футболке, обнажавшей витую татуировку на руке. Вторая татуировка красовалась на шее, под левым ухом. Там были два иероглифа. Эту штуку я наколол, когда мы с пацанами отмечали 20 лет. Я тогда жутко надрался, и кто-то из пацанов взял меня на «слабо». В последний раз в жизни меня тогда взяли на «слабо». Иероглифы означали что-то вроде «психа». Помню, наутро я реально охренел, увидев японскую мазню практически на самом видном месте. Но прошло пять лет, и я привык.

Да, была еще одна татуировка. На правой задней лопатке. Это был череп с зажатым в зубах автоматным патроном. Эту штуку я наколол по собственной воле, будучи совершенно трезвым. Потому что безумно понравилась идея картинка. Или идея, которой в ней не было, но которую я вложил.

Сейчас череп с патроном закрывала черная ткань футболки.

Я закурил и продолжил голосовать. Наверняка это было делом безнадежным, но отступить я не привык. Кроме того, как еще попасть на другой конец Москвы без гроша в кармане и даже без телефона.

Через пару минут кто-то все-таки рискнул остановиться. Серебристая «десятка». Из окна выглянул тип с переломанным носом.

– Откинулся только?

– Типа того.

– Куда тебе?

Я ответил.

– Деньги-то есть?

– Вообще ни хрена.

– Мусора все выгребли, – догадался тип, с сочувствием покивал и открыл пассажирскую дверцу. – Запрыгивай.

На его пальцах я увидел воровские наколки. Понятно...

Тип разрешил курить, и я открыл окно. В машине играла музыка. Это был тупой блатняк про тюремную романтику. Я вспомнил, как в школе выбил зубы пацану, который пытался строить из себя бывшего зека и включал эту хрень – про вышки, колючую проволоку, тоску и воровскую романтику – на своем мобильнике.

Минут через пять я не выдержал.

– Можно выключить эту херню?

Тип нахмурился.

– Ты же это... от хозяина только что?

– Я не от хозяина, а из СИЗО, – буркнул я. – Если меня полгода в клетке держали, я теперь всю жизнь должен вести себя, как зек? Это типа круто?

Тип оскорбился. Музыка он не выключил, но звук убавил.

Никогда не понимал всех этих любителей блатной музыки. Один раз побывали в тюрьме – и считают своим долгом слушать музыку, посвященную местам не столь отдаленным, всю оставшуюся жизнь. Другие прослужат два года в армии и остаток жизни бьют себя в грудь, поют армейские песни под гитары и в день годовщины своих войск шарахаются толпами по городу, распугивая людей. Зачем это все? Я вот, например, в школу целых 10 лет ходил. Но я же не козыряю до сих пор в школьной форме!

За проезд он ничего не взял. Спасибо и на этом. Напоследок тип со сломанным носом не выдержал и буркнул что-то из серии «Молодой еще, потом поймешь». Я не ответил ничего. Никогда не понимал, почему все люди постоянно повторяют одно и то же. Словно кто-то вставил в них маленькую программу и завел ключик, заставляющий их, как примитивных игрушек, повторять одни и те же чужие и довольно глупые слова, выставляя их за какую-то мудрость. И так – пока не придется помирать.

Я вышел из машины на квартал раньше. Чтобы просто пройти по знакомым местам. Я не был тут полгода, а казалось, что целую вечность. Все было таким же. Только новые рекламные вывески, призывающие брать кредиты и немедленно тратить их. Я шел по соседским дворам с рюкзаком на плече и вспоминал.

Вот здесь у нас была первая драка «стенка на стенку».

Там, за углом, я впервые поцеловал девушку.

А вот тут меня первый в жизни раз замела милиция. К их чести, тогда меня отпустили. Потому что разобрались, что урод, которому я подбил глаз и сломал челюсть, был наркоманом. Он рвал серьги у наших девчонок, чтобы толкнуть их в подземном переходе и купить дозу.

С тех пор, кстати, наших девчонок по вечерам никто не трогал.

А вот и наш двор. Здесь даже дышится как-то иначе. Около соседнего подъезда сидели и сплетничали две старушки. Я видел их здесь с самого детства, и с тех пор они практически не изменились. Иногда мне казалось, что они не люди вовсе, а декорация. Часть матрицы, причем по части декораций разработчик явно схалтурил. Старушки зашушукались и устали на меня. Я прошел мимо.

Перед нашим подъездом под капотом машины рылся какой-то мужик. Никогда раньше я его здесь не видел. Может быть, новый родительский сосед. Жильцы в домах сейчас меняются слишком часто.

Я поколебался, прежде чем войти в подъезд. По родителям я соскучился, но был уверен, что ничего путного меня там не ждет. Объятий и слез не будет. Возможно, мать поплачет, но лишь когда я уйду. Отец будет молчать, стараясь избегать встречаться со мной глазами, а мать теревить полу халата и вздыхать. Всё, как всегда. Эти душевные встречи вызывали такую тоску, что потом я непременно напивался. Возможно, сегодня будет то же самое. Но я должен был отметить.

Тем более, мне нужно было где-то помыться.

И увидеть Сергея.

Но все пошло не так.

Когда я позвонил в дверь – на стене около нее красовалась новенькая кнопка звонка, и я вспомнил, что, когда я был у предков последний раз, звонок болтался на проводе – за дверью сразу раздались звуки. Встревоженный голос матери. Шорканье ног отца. Щелкнул замок, и дверь распахнулась.

Я увидел, как в глазах отца погасла надежда. Узнав меня, он тут же спрятал лицо за маской, которую надевал специально для меня. Маской отчуждения.

– Это ты, – сказал отец.

– Привет, бать.

Он пожевал губы, собираясь ответить, но промолчал. Развернулся и ушел. За распахнутой дверью показался силуэт матери. Когда она волновалась, она всегда чуть заикалась.

– Ле... Ле... Леша, – ее голос дрожал.

Внутри меня никто не приглашал. Я зашел сам. Закрыл дверь. Посмотрев матери в глаза, я почувствовал, как екнуло что-то в сердце. Она выглядела так, словно последние полгода отняли у нее минимум десяток лет. Зная, что от меня прет вонючей и потной камерой, я все-таки поцеловал мать в щеку.

– Привет, мам. Хорошо выглядишь, – соврал я. – Серега на работе?

Мать поджала губу.

– Бед... бе... беда у нас. Сергей п-п-п... про... пропал.

Я окаменел.

2

О еде я даже думать не мог. Но мать всегда мать. Даже в моем случае. Она сварила своих, домашних, пельменей. Открыла банку маринованных помидоров. В детстве мы с Сергеем могли слопать трехлитровую банку за один присест, и на зиму родителям приходилось закатывать под 100 таких банок. Эти запасы занимали всю кладовку, которую предки снимали в соседнем дворе. При виде помидоров и воспоминании о детстве у меня защемило сердце, и я стиснул зубы.

– Как у те... тебя дела? – в голосе матери была слышна грусть и горечь. – Тебя совсем от... от... отпустили, или на время?

– Совсем. Я же говорил, что ничего не делал.

Из гостиной донесся ворчливый голос отца. Он всю жизнь разговаривал сам с собой, бубня под нос весь поток сознания, который всплывал в его голове. Так случалось в минуты, когда он расстроен. Я различил его ворчанье:

– Не делал он! Оговорили все бедного мальчика.

Я сделал вид, что ничего не расслышал. Мать тоже.

Говорят, большая удача, когда чужие люди сближаются, как родственники. Значит, в моем случае удачей и не пахло. Отец давно поставил на мне крест. Впервые я это почувствовал, когда мне было лет 12. Почему так вышло, я точно не знал. Позже я догадывался, что многие вещи делал назло отцу. «Ах, сын у тебя не удался? Ну вот, как ты посмотришь на это?» – и я влипал в очередную передрагу. Все неизменно заканчивалось сначала учительской или детской комнатой милиции, а позже – травмпунктом или обезьянником ближайшего отделения полиции. Отца все это только убеждало в собственной правоте.

Мать так не могла. Но я всегда знал, что и для нее Сергей был более любимым сыном. Я был паршивой овцой для обоих родителей. Разница была лишь в том, что отец даже не пытался этого скрывать.

Я слышал истории, при которых братья начинают ненавидеть друг друга. Один ревнует родителей и вымещает злобу на другом. К тому же, мы с Сергеем были настолько разными, насколько это вообще возможно. Если 15 лет назад соседи называли его умничкой, а меня хулиганом, то со временем их эпитеты изменились. Сергей стал тем, кто «далеко пойдет», а я – просто отморозком.

Но нас с Сергеем это не касалось никогда. Я всегда был за него, а он за меня.

Сергей был единственным человеком на этой планете, который – я это знал точно – не отвернется от меня никогда. Даже когда весь чертов мир будет против его брата.

Только сейчас меня, наконец, осенило, почему мать так изменилась. Дело не во мне. Не в моей полугодовой отсидке в СИЗО. Конечно же, нет. Дело в Сергее. Ее изменили, состарив на десяток лет, последние дни. Любимый сын...

– Расскажи мне все, мам.

– Ох, господи...

Она тяжело вздохнула. Уселась напротив. Руки непроизвольно потянулись к подолу халата.

– Сергей уе... уе... у...

– Мам, не волнуйся, – я постарался сказать это мягко. – Соберись. Хорошо?

Мать послушно кивнула. Она выглядела старой и беспомощной.

– Сергей уе... уехал в командировку, – поведала мать. – Сел в по... по...

– Поезд?

– По... – согласилась мать. – ...Поезд. И больше...

Она всхлипнула, но тут же взяла себя в руки. Пальцы лихорадочно затеребили полу халата.

– Когда это было? Когда он уехал?

На кухню зашел угрюмый отец. Не выдержал сидеть в комнате и прислушиваться к тому, как мать мучается, пытаясь выдать слова.

– Восемь дней назад он уехал, – пробурчал отец. Он приоткрыл окно и взял с подоконника сигареты. Мать попыталась что-то сказать, но он отмахнулся и закурил. – Обещал звонить. Но не звонил. Мы сами давай ему набирать. Телефон отключен. У него с собой были обратные билеты. Сутки туда, два дня там, сутки назад. Четыре дня назад Сергей должен был вернуться.

– Вы на вокзал ездили?

– А ты как думаешь, – нервно огрызнулся отец. – Приперлись. Ждали, в лица всматривались... Надеялись... Сергея нет.

Мать всхлипнула, попыталась что-то сказать, но от нервов ее речь вышла из-под контроля – больше одного слога, повторяющегося, как в современной электронной песне, где слова не имеют никакого значения, произнести она не могла. От бессилия всхлипнула мать еще раз.

– Почему мне ничего не рассказали, – с тяжелым сердцем спросил я. – Четыре дня... Сложно было прийти?

Отец сжал зубы.

– Я еще на зону не ходил.

– Это не зона, а следственный, блин, изолятор.

– А мне все едино. Я в жизни каждую копейку честным трудом зарабатывал. Своими руками и своим горбом.

– Володя! – одернула его мать. Голос прорезался вовремя. Отец отмахнулся и замолчал. Он просто курил и угрюмо смотрел в окно. Поморщился и потянулся к сердцу. Покосился на меня и поспешно опустил руку, так и не дотронувшись до груди.

Я отодвинул вилку. Аппетит пропал окончательно.

– Куда он поехал? Куда именно? Он рассказывал?

– Оренбург.

– Где это?

– Где-то! – отец махнул рукой. – На юге. На Урале. Две тысячи километров отсюда. Через всю страну. Полтора дня на поезде. Далеко это, вот где.

Пару часов назад я еще был в СИЗО. А теперь реальность навалилась на меня, и это было слишком неожиданно. Я не мог сообразить ничего. Голова гудела, а мысли роились.

– Что за командировка? – сообразил я наконец, что спросить. – Где он, вообще, работал?

– Фирма одна. «Гермес» называется. Сергея менеджером взяли, а уже через месяц он вроде как доверенным лицом у директора стал. Ну а чего удивляться. Сергей с красным дипломом, башковитый...

«... Не то, что ты», – я догадался, что именно эти слова вертелись у отца на языке.

– И директор послал его в командировку? Что Сергей должен был там делать?

– Да не знаю я! – зло отмахнулся отец. – Что-то смотреть, с кем-то встречаться.

Я не удержался, чтобы не уколоть в ответ. Хотя момент был выбран паршивый.

– Любимый сын уезжает в первую в жизни командировку черт знает куда, а ты не знаешь, что за командировка?

Глаза отца вспыхнули, но он не проронил ни звука. Мать растерянно смотрела то на меня, то на него.

– Сер... Сер... – пыталась она. – Сережа... Он ведь два ме... ме... месяца не жил с на... на... нами.

Я все понял.

– Они с Женей съехались?

– Квартиру сняли, – заставил себя открыть рот отец. – Ему зарплату хорошую платили. Сергей решил, что пора вставать на ноги.

И снова я почувствовал невысказанный никем, но наверняка промелькнувший в голове у каждого укор. В 23 года с красным дипломом твой младший брат встал на ноги. Не то, что ты. Паршивая овца. Порченный вариант. Брак.

– Вы в полиции были?

– Толку-то. Сначала к одним послали, потом к другим. В отдел по розыску пропавших. Мы им фотографию Сергея отнесли. Даже несколько. Номер телефона, описание, заявление написали... А они говорят, мало времени прошло. Загулял, мол, скоро вернется. Через неделю, говорят, приходите.

Отец сплюнул в окно и с силой затушил сигарету, вонзив ее в днище пепельницы. Я увидел, что его рука дрожит.

– У вас имя или номер мента, с которым вы говорили, есть? – нахмурился я. – Дайте. Я сам с ним поговорю.

Отец скривился.

– Кто тебя слушать будет. Ты только что из кутузки. Поскандалить решил? Или по кутузке соскучиться успел? – Он посмотрел на меня. Его глаза были влажными, и я вдруг сообразил, что за этой напускной грубостью он просто не позволяет себе проявить слабину. – Сколько ты всего творил. И всегда выходил сухим из воды. А Сергей... Это несправедливо.

Он стиснул зубы, чтобы не ляпнуть что-нибудь еще, и быстро покинул комнату.

Злости не было. Я просто смотрел в никуда и переваривал только что услышанное. Потому что мой отец, по сути, сказал мне ни что иное, как «Лучше бы пропал ты».

3

– Явара! Братан!

Тимур бросился обниматься. Поморщился, учуяв исходящий от меня смрад.

– Явара, ты когда мылся последний раз? погоди, ты прямо из СИЗО, что ли?

– Спасибо, кстати, что встретил.

Тимур растерялся.

– Так я думал, это, тебя брат с предками, ну, я бы и сам, конечно, но я решил, что...

– Остынь, мозг перегреется, – буркнул я. Закрыл дверь. Тимур жил один в однушке своей покойной бабушки, поэтому церемонии можно было не соблюдать. – Пиво есть?

– Обижаешь. Тебе принести?

– Сам.

Я открыл бутылку. Пройдя в комнату, обнаружил Тимура за компьютером – тот увлеченно с кем-то переписывался, стуча клавишами со скоростью пули. При виде меня он поспешно свернулся.

– Рассказывай, как она.

– Ты про моего брата ничего не знаешь?

– Серега? А что с ним?

– Ясно, – вздохнул я и опустился на продавленный старый диванчик у стены.

Кто такой Тимур? Мой приятель. Даже, наверное, друг. Типичный ботаник, в школе он сидел со мной за одной партой. Между нами возник симбиоз, устраивавший обоих. Он помогает мне грызть гранит науки, решая за меня задачи, в которых я не понимал ничего – начиная от способов решения и заканчивая самим смыслом этих задач – и помогая писать сочинения, контрольные и все остальное. А я делаю так, что его никто не трогает. Даже старшекласники.

Мне было 13, когда я сломал нос бугаю из 11-го класса, решившему показать на примере Тимура, кто в школе хозяин. В тот же день двое друзей бугая решили проучить меня, подкараулив за углом школы. Спасибо яваре, с которой я не расставался уже тогда. Одному я разможил скулу, второму сломал ключицу.

После этого Тимур мог не беспокоиться будущих выпускников.

Мы продолжали общаться и после школы. А пару лет назад начали совместный бизнес. Я тогда занялся скупкой краденого, а Тимур открыл для себя социальные сети. Объединив наши навыки и интересы, мы получили собственное ноу-хау. Закрытое сообщество для сбыта краденого.

На нашу страничку в социальной сети мы пускали лишь тех, кого знали лично. Людей с нашего района, не засвеченных и не заподозренных в связях с полицией. Здесь за копейки можно было купить все – от курток до сотовых телефонов и планшетов. Все гопники района несли нам свой товар, который мы складировали в сарае Тима. Риска не было никакого. Весь сок был в том, что сарай являлся незаконной самовольной постройкой и юридически не имел никакого отношения к покойной бабушке Тимура. А значит, и к самому Тимуру. На бумагах этого сарая вообще не существовало. Даже если опера выломают двери и изымут все, претензий к Тимуру быть не могло.

Полгода назад местный любитель травки по кличке Магнитола толкнул нам несколько чемоданчиков с автоинструментами. Интернет сообщил, что один такой чемоданчик стоит почти 10 тысяч рублей. Дело было верным. Через пару дней я понес один из чемоданчиков на встречу с покупателем.

Покупателем оказался опер из отдела имущественных преступлений.

Тимур сразу же прикрыл наш интернет-аукцион. А заодно – на всякий случай – избавился и от самого компьютера, зная, что даже полное его форматирование не помешает восстановлению данных, если за дело возьмутся специалисты.

Тимуру повезло. Во-первых, полиция, кажется, так ничего и не прознала про нашу интернет-страничку. И Тимур их не интересовал. Во-вторых, я не собирался его сдавать. Я не собирался сдавать даже себя. Легенда была стандартной. Чемоданчик я купил по дешевке у какого-то забулдыги в подземном переходе, чье лицо я не могу вспомнить. Ничего выдающегося, но этого и не требовалось.

Мне повезло меньше, чем Тимуру. У меня итак был условный срок за последнюю драку. Учитывая это, меня сразу отправили в СИЗО.

Дружище Тимур же, пока я «отдыхал» в камере, сделал невозможное. По сути, это именно он вытащил меня. Только благодаря Тимуру я сегодня вышел из камеры.

Он провел собственное расследование. Полиции стоило бы взять его к себе на службу, потому что органы правопорядка потеряли в его лице классного спеца. Тимур нашел Магнитолу и узнал, где тот достал чемоданчики. Оказалось, украл у торговца с местного авторынка. Самым интересным было то, что торговец с авторынка приторговывал не только запчастями и инструментами, но и травкой. Магнитола был его клиентом. И он обокрал собственного барыгу.

Торговать наркотиками – очень плохо. Быть крысой – тоже отвратительно.

Тимур сдал торговца в отдел наркотиков. Анонимно позвонил и сообщил не только его имя и адрес, но и способ сбыта.

Самое интересное, что, когда полиция задержала торговца прямо на авторынке, в его палатке обнаружили два ящика с инструментами, которые считались крадеными. Постарался Тимур, подтянув для этого дела знакомых парней, за которыми висел должок.

Обо всем этом я узнал из записки, которую Тимур передал мне в СИЗО. А потом на очередном допросе я резко «вспомнил» лицо и даже имя того, у кого купил эти инструменты. Магнитолу.

Теперь по всему выходило, что плохой наркоман обокрал плохого наркоторговца. А плохой наркоторговец оказался плохим в квадрате, потому что часть краденого вернул, но сообщать об этом полиции не стал.

Я больше никого не интересовал. Для закона я стал хорошим. Пусть на время, но меня это устраивало.

Я выложил Тимуру все, что услышал от родителей. Обычно я терпеть не могу повторяться, но сейчас я мог думать только о брате.

– Я подвел его, – сказал я. – По собственной тупости попал в СИЗО. И Серега пропал. Он никогда не пропадал. С ним всегда все было хорошо. Потому что я был рядом.

– Ты же не поехал бы с ним в эту его командировку, – робко возразил Тимур.

Я не ответил. Встал и пошел на кухню. У нашего доморощенного хакера курить можно было только там. Тимур приплелся следом и положил на столе передо мной пачку денег, скрученных в трубочку и зафиксированных тонкой резинкой.

– Пока ты в СИЗО загорал, я продал всю технику, которая у нас была, – вздохнул Тимур. Все это явно навевало на него тоску. – Это твоя половина.

– Решил завязать?

– А ты?

– Это типа проверка?

– С чего ты взял?

– Ты так долго можешь вопросом на вопрос отвечать, да?

Тимур моргнул.

– Чего?

– Спасибо, говорю, за бабки, – прекратил я соревнование с вопросами. – Черт... Я хотел сегодня отмокнуть, помыться, забуриться в какой-нибудь кабак, отметить...

Тимур невольно принялся.

– Ну, помыться тебе не помешает, ага.

– Тим, можно у тебя пожить?

– Ванная помнишь где?

– Мне больше, походу, некуда идти.

– Чистое полотенце в шкафу.

– Родители без восторга.

– Напор воды хороший, горячая есть, – продолжал Тимур.

– Так что скажешь?

Мой приятель не выдержал:

– Смой с себя эту вонь, Явара!

Я принял ванную. Вы даже не можете себе представить, какое это наслаждение – просто помыться, стоя на чистой металлической поверхности и зная, что ты один в этом крохотном помещении. Это как со зрением. Или наличием рук. Ты относишься к чему-то, как к само собой разумеющемуся, не цenia и даже не задумываясь о наличии явления и о его достоинствах. А потом оно исчезает, и ты понимаешь, какая это суровая и жестокая штука – жизнь.

С братом было то же самое.

Тимур постарался меня отвлечь. Постарался, как следует. Потому что, когда через полчаса я выбрался из ванной и выключил воду, за дверью были слышны голоса. Тимур умудрился оперативно собрать всех, кто был под боком, чтобы отметить мое возвращение.

Мы выпили. Потом выпили еще. Потом я, захмелев и уже мало что соображая, потянул всех в бар.

Позже мне рассказывали, что я повеселился на славу. Домогался официантку, подрался с каким-то уркаганом с золотым зубом и напоследок даже украл из бара пивную кружку в качестве трофея.

Назавтра я проснулся на матрасе, постеленном на полу. Часы с неммым укором указывали стрелками на 12 – был полдень. Голова гудела. Тимура дома не было. Я выпил кружку воды и снова плюхнулся на матрас.

Когда мы виделись с Сергеем в последний раз? Он приходил нечасто – у него ведь были дела. Личная жизнь, новая работа. Но он приходил. В отличие от многих других.

Помещение для кратковременных свиданий в СИЗО было новеньким. Соседи по камере рассказывали, что мне повезло – «свиданку» открыли за месяц до моего появления в изоляторе. Старая не годилась никуда: это были кирпичные клетки, а с посетителями нужно было общаться через узкое окошко, в которое могла пролезть разве что голова. Сейчас в СИЗО было около 20 кабинок из прозрачного пластика. С посетителями можно было общаться лишь по телефону – трубки висели по обе стороны пластиковой перегородки. Личный физический контакт с посетителями исключался, и поэтому за спинами не ощущалась поступь конвоиров в форме. За помещением для свиданий с помощью видеокамер, которые выводили картинки в комнату с мониторами, наблюдал лишь один человек.

Пару месяцев назад Сергей приходил радостный. Я давно не видел его таким.

– Мы с Женей квартиру присмотрели, – радостно поведал он. – В новом доме. Однокомнатная, но широкая, большая, хоть в футбол играй. Тебе понравится. Выйдешь отсюда – приходи в гости.

– Это вряд ли, брат. Твоя Женя меня терпеть не может.

– Это правда, – согласился Сергей. – А я терпеть не могу ее сестру. Тупая стерва. Что с того? Каждый чем-то жертвует.

Я засмеялся. А Сергей внезапно стал серьезным.

– Только это. Сразу хочу предупредить. Ни корешей, ни бухла, понял? У нас с Женей все серьезно.

Через полчаса мне надоело валяться на матрасе, и я решил вставать. На кухне открыл то, что вызвало в теле тихий восторг. Кофе. Я включил чайник, сделал себе крепкий и сладкий напиток. Закурил у окна.

После того визита Сергея не было пару недель. Затем он появился лишь минут на пять. Показал, прижав к пластиковой поверхности текстом от себя, записку от Тимура. Сказал, что отец приболел с сердцем и собирается ложиться кардиологию на обследование. Сергей спросил, нужно ли мне что-нибудь принести. И все на этом. Потом я вспоминал, что брат выглядел бледным и почему-то старался не смотреть мне в глаза. Я списал это на неприятности у родителей. Сергей всегда принимал их близко к сердцу.

Недели две назад я видел брата в последний раз. Он выглядел возбужденным.

– Я Женьке кольцо купил.

– А мне наушники обещал.

– Нет, ты не понял. Кольцо. Я ей хочу... ну, ты понимаешь?

Я не верил своим ушам. Мой младший брат.

– Шутишь.

– Неа, – Сергей хотел казаться серьезным, но мальчишеская улыбка делала его глупым и сопливым. – Мы уже живем вместе, почему нет. Она согласится, я знаю.

– Круто.

– Ага.

– И когда собираешься?

По лицу Сергея проползла какая-то пелена, смысл которой я тогда не уловил. А должен был. Я знал этого человека всю свою жизнь. Лучше, чем всех остальных людей на планете, вместе взятых.

– Мне скоро отъехать надо... По делам. Вернусь вот, и тогда, наверное. Надеюсь, ты как раз выйдешь. Я не хочу устраивать свадьбу, на которой не будет моего брата.

– Тогда дождись меня, – сказал я. Записка от Тимура уже делала свое дело, и я знал, что мое обвинение разваливается. – Надолго я тут не задержусь. Вот увидишь.

– Договорились, – серьезно кивнул Сергей. – Обещаю. А ты обещай мне, что больше никогда здесь не окажешься.

– Слышал, что зарекаться нельзя?

– Плевать. Пообещай.

– Что на тебя нашло?

Сергей внезапно разозлился.

– Лех, я не хочу видеть, как мой брат превращается в урку. Помнишь соседа со второго подъезда? С туберкулезом, весь серый, с гнилыми зубами. Без фени двух слов связать не может. А если получается что-то связать, то ты слышишь только о зоне. Мне не нужен брат, который станет таким. Обещай.

Я вздохнул. Резон в его словах был.

– Обещаю.

– Хорошо.

Сергей успокоился так же быстро, как и распылился. И тут я наконец сообразил, что с ним что-то не так.

– Эй, – я с прищуром уставился на Сергея. – Что с тобой?

– Ты о чем?

– Ты знаешь. Что у тебя не так? Какие-то проблемы?

Сергей хотел возразить, но понял, что этот номер не пройдет.

– Есть кое-что. Я бы хотел с тобой... посоветоваться, наверное. Ты в таких делах больше смыслишь.

– В каких?

– Потом. Потом поговорим. Пока это неважно.

Это было две недели назад. Через неделю он сел на поезд. И больше его никто не видел.

Внезапно я все понял. У Сергея были неприятности. Неприятности из тех, в которых я «больше смыслю». Это было самое поганое.

Сергей куда-то влип. Полмесяца назад он куда-то влип. В результате чего он испарился.

Теперь я осознал, что вчера, рассказывая Тимуру о случившемся, попал в точку. Если бы я был рядом, Сергей бы не исчез.

Я стиснул кулаки. Я должен был разобраться во всем. Понять, что случилось. А еще – найти брата. Где-то на задворках всплыла робкая мысль, что искать, может быть, уже некого. Но я загнал ее в самый дальний угол и приказал не показывать носа.

Пока есть маленький шанс, надо верить. Всю жизнь я внушал это Сергею. Теперь пора поверить и самому.

Говорят, между братьями существует незримая связь. Я закрыл глаза и попытался почувствовать ее.

– Серега, что случилось? – пробормотал я.

Виски стучали с похмелья, а горло першило после лавины выкуренных ночью сигарет. Больше не было ничего.

4

Вечером я пришел в родительский двор. Подниматься наверх не хотелось. Были бы новости – сообщили бы. Вчера я оставил им номер Тимура и взял обещание (отец промолчал, но мать согласилась), что они позвонят, если что-либо станет известно.

Молотов и Фокин пили пиво на лавочке у клумбы в центре двора.

– Леха, е-мое! Отпустили!

– Как видите.

Оба полезли обниматься. От них разило пивом и дешевыми чипсами.

– Мусора клюнули? – довольно подмигнул Фокин.

Они оба должны были мне денег. Немного, но долг висел. Поэтому именно к ним обратился Тимур за помощью, когда нужно было обстричь последнее дело и вытащить меня из СИЗО.

– Спасибо, что помогли. Seriously.

– Какой базар! Своим пацанам всегда поможем! – Молотов черкнул ногтем по горлу.

Более практичный Фокин кашлянул:

– Так это... мы типа в расчете?

– Долга нет, вопрос закрыт.

– Ну, ништяк! Пивасик, может?

– Погоди, – возбудился Молотов. – Леха, ты ж откинулся, можно было бы и проставиться, а?

– Святое дело! – подтвердил Фокин.

– Потом. У меня сейчас денег нет.

– Фигово, – пригорюнил Молотов. – О, слушай, у нас в сервисе народ нужен. Помощник мастера. Пойдешь? Научат всему. Денег не вагон, но на хавку и пивасик хватит.

– Я подумаю. Так ты в сервисе все еще?

– А куда я пойду? – удивился Молотов. – Я ж ниче не умею, ёпте!

– Да, глупый вопрос был. А ты?

– Цех, – подал голос Фокин. – Перетяжка мебели. С пацанами вместе замутили. Малой, Шкет, Гоша Чуркин... Ну, ты понял. С ними. Объявления фигачим в интернет, диваны и кресла перетягиваем в гараже у Шкета.

– Бизнесмены. Все серьезно.

– Зря прикалываешься, – обиделся Фокин. – Мы там вкалываем как цуцки.

– Вижу, – согласился я. На часах было шесть вечера, а в урне около лавочки виднелись горлышки как минимум четырех точно таких же пивных бутылок. – Слушайте, вы про Сергея слышали?

– Брательник твой, – нахмурился Молотов. – Да, мне батя что-то говорил. Типа исчез пацан куда-то. Куда он делся, ты не в курсах? Что там вообще?

Я пристально посмотрел ему в глаза.

– Я у вас спросить хотел.

Молотов испугался.

– Явара, Лех, ты че. Какого хрена мы бы к Сергею лезли?

– Лет пять назад была история.

– Кто старое помянет! – торопливо выпалил Фокин. – Леха, тогда непонятка была, разобрались же, все чисто по-пацански. Вопросов нет, правильно? Правильно, я говорю? – я не стал отвечать, и Фокин поддакнул сам себе: – Короче, правильно. Да и вообще, в натуре, мы работаем, детство в жопе не играет, чего мы к пацану лезть будем? Ты нас за кого принимаешь, братан?

Я пожал плечами.

– То есть, вы отвечаете, что я ничего такого не узнаю?

Фокин моргнул, а Молотов снова черкнул ногтем по горлу.

– Он, типа, твой брат, – буркнул Фокин. – Никто из местных к нему хрен бы полез. Ты сам знаешь. Все в курсах, что отвечать придется.

– Ладно. Может, сплетни какие-то слышали? Сергеем тут никто не интересовался? Какие-нибудь рожи новые, не из местных?

Оба покачали головами.

Я надеялся совсем на другое. Сергей говорил о каких-то неприятностях. Так с какой стороны эти неприятности появились?

Домой к Тимуру я вернулся, когда уже стемнело. Он увлеченно строчил что-то на компьютере.

– Явара, пять сек.

С собой я принес вареники из магазина. Пока Тимур закруглялся с делами, я сварил еды. Вскоре он присоединился ко мне.

– Тим, чем сейчас занимаешься?

– Эээ... Жрать собираюсь. Я думал, ты для двоих сварил, нет? Погоди, ты только для себя? Вот блин, и че мне жрать?

– Расслабь мозг, еще раз тебе говорю, перегреешься, – хмыкнул я. – Чем вообще занимаешься? После того, как наш аукцион прикрыл?

Тимур вздохнул.

– А, вон ты о чем. Раскрутка групп и пабликов в инете. Набираю ботов и все такое. Несколько групп лично веду, как админ. Все по-старому, короче, только теперь ничего незаконного.

– На жизнь хватает?

– Штук 20—30 в месяц вроде наскрести получается, – опечалился Тимур. – А ты? Чем заняться планируешь?

Я понятия не имел.

– Знаю точно только одно. Никакого криминала. Это точно. Я Сергею обещал.

Тимур снова вздохнул, почесал затылок и покосился на меня.

– Как думаешь, он... ну... типа...?

Я покачал головой.

– Больше никогда не говори так. Даже в мыслях. Он жив.

– Откуда ты... почему ты так думаешь?

Захотелось выпить, но нажираться каждый день не входило в мои планы. Одно тянет за собой другое. А раз обещал – значит, обещал. Я закурил, приоткрыв скрипучее кухонное окно.

– Потому что, Тимур, много лет назад я внушил ему одну вещь. И он в нее поверил.

– Какая вещь?

Я вспомнил разговор, состоявшийся с Сергеем когда-то, и ответил:

– Пока есть хотя бы один миллионный шанс выкарабкаться, надо карабкаться. А если его нет, карабкаться все равно нужно, – я пожал плечами. – Сергей очень умный пацан. Отличник, парень с красным дипломом и большим будущим. Далеко пойдет, как говорят мои родители, родня и соседи. А я гопник. Но в институте кое-чему не учат. Барахтаться до конца и даже дольше, когда вообще все вокруг против тебя. Все эти годы Сергей смотрел на меня. И он знает, что это работает.

С этими мыслями утром я отправился в местное отделение полиции. В нашем околотке меня знали многие. В первую очередь, ППСники и опера. Следователи и дознаватели тоже узнавали в лицо. Я был рад, что с отделом по розыску пропавших сталкиваться не приходилось.

Но радость была недолгой. Потому что в кабинете номер 14 на втором этаже ОВД, куда я, постучав, заглянул, я обнаружил знакомую физиономию. Опер по фамилии Дулкин – невысокий, жилистый, с усами и хитрым взглядом – удивленно посмотрел на меня.

– Вот те раз.

– И вам не хворать. Я отдел по розыску пропавших ищущий. Мне сказали...

– ...И правильно сказали, – осклабился Дулкин. – Меня сюда перевели. Надоело за всякой шпаной вроде тебя, Рогов, бегать.

– И вот кстати о Роговых. Мои родители принесли заявление о пропаже. Сергей Владимирович Рогов, 23 года. Пропал.

Дулкин нахмурился.

– А я смотрю, у стариков рож... лица знакомые. Твои, что ли? – Дулкин задумчиво покрывал усы. – Брат, значит. Такой же бестолковый, как ты?

– Нет, он хороший парень.

– По чьим понятиям?

– По общечеловеческим. Приводов нет, задержаний нет, в обезьяннике ни разу не ночевал. Можете проверить.

– То есть, в семье не без урода, но урод не он? – развеселился Дулкин.

Я видел, что он провоцировал меня. Зачем, непонятно. Не без труда удалось вспомнить его имя-отчество.

– Валерий Николаевич, мой брат за 23 года ни разу даже на ночь нигде не загуливал. Он правильный парень. У него есть девушка, они живут вместе, пожениться хотели.

– Так, может, испугался? Знаешь, ляпнул про свадьбу, а потом думает: «Твою мать, что я наделал! Теперь скандалы попрут, дети, пеленки, крики, вопли... Нафиг оно мне все!». А? Такое сплошь и рядом бывает.

– Например?

Дулкин хотел привести пример, но ничего подходящего не смог вспомнить, и потому рассердился.

– А ты, Рогов, не умничай. Понял?

– Валерий Николаевич, давайте серьезно, – гнул я свою линию. – Что вы делаете, чтобы найти моего брата?

Опер вздохнул. Порылся в ящике стола, нашел заявление родителей. Прищурился и принялся бубнить, пробегая глазами по тексту:

– Алексей Владимирович, тысяча девятьсот... Так... Вечером... На поезде «Москва-Оренбург»... Что он там забыл?

– Командировка. Там не написано?

– Не умничай, говорю. – Дулкин отложил заявление. Побарабанил пальцами по столу. – Так и не вернулся, значит? И труба молчит? Понятно... Ну что, отправлю я ориентировки. Во все города следования поезда. В местные ЛОВД. Если они что-нибудь ответят, я дам знать, – опер покосился на заявление. – Телефон твои родители оставили? Ага, оставили. В общем, я им позвоню, когда информация будет.

Я кивнул.

– А разве заявление не в сейфе должно лежать?

– Что?

– Если вы пустили заявление в ход, оно должно лежать в папке с оперативно-розыскным делом. В сейфе. Не в столе.

Дулкин набычился.

– Слышь, шпана. Ты меня учить работать будешь?

– Я не хочу никого учить. Я просто хочу, чтобы вы нашли моего брата.

Дулкин прищурился на меня недобрый взглядом.

– Так, Рогов. Я тут подумал... А может, это ты с братцем не поделил чего-то? Бытовуха, так сказать. У нас 80 процентов всех убийств бытовые. Сын на отца, мать на сына, брат на брата... Чего с братом не поделил, говорю?

– Я из СИЗО два дня назад вышел.

– Ха, удивил. А может... А может, ты корешей своих подговорил? Специально, чтоб на тебя никто не подумал? Что, бабу не поделили? Или за наследство уже? Родители живы еще, а вы уже делите?

Явара была у меня с собой. Она всегда была в заднем правом кармане джинсов. На секунду я представил, как рука привычно ныряет в карман. Ладонь обхватывает увесистую палочку, почти полностью утопающую внутри – наружи лишь тупой конец пластикового «брелока». Удар сверху вниз, и хруст ломаемой ключицы заглушается воплем дуреющего от боли Дулкина...

– Вы можете относиться ко мне как угодно, мне плевать, – сказал я. – Можете думать что угодно. Говорить что угодно. Но раз вас посадили искать пропавших, займитесь делом. Пожалуйста.

5

Дом был новым. На Северо-Западе Москвы, то есть на другом конце города, поэтому добираться пришлось на метро. Красная высотка с подземной парковкой, супермаркетами, бутиками и кафешками на первом нежилом этаже. Несмотря на наличие собственной парковки под землей, двор дома, как и везде в Москве, был утыкан автомобилями.

Я долго не решался позвонить. Но все-таки набрал на домофоне номер квартиры, который мне сообщили родители, и ткнул кнопку вызова. А потом услышал ее голос.

– Кто там?

– Женя, это Алексей. Рогов.

Она молчала. Пищания, свидетельствовавшего, что трубку положили, не было, но вдруг у них тут какая-то новая модель домофона?

– Женя? Ты здесь?

– Зачем пришел?

– Надо.

Снова тишина. Я уже приготовился в третий раз назвать ее имя, но в этот момент дверь открылась и впустила меня внутрь.

Лифт был новеньким и современным. Коридоры подъезда чистые, светлые и просторные. Дверь в квартиру черной, матовой и крепкой. Я постучал. Женя знала, что я здесь, но открыла не сразу. Наверняка специально.

Она была красивой. Длинные светлые волосы, сейчас собранные в конский хвост, большие глаза. Она смотрела на меня исподлобья и выжидающе молчала.

– Привет. Я был в СИЗО, – сразу принялся я оправдываться.

Женя хмуро усмехнулась.

– Думаешь, я не в курсе? Сергей только о тебе и говорил.

– Что тебя жутко бесило, да?

– Зачем пришел?

– Делать то же самое, – заверил я. – Говорить с тобой о своем брате.

Она поколебалась, не сводя с меня настороженных глаз. В них сквозил холод. Но она все же отступила, пропуская меня внутрь.

Сергей не врал. Квартира была просторной. Однокомнатная студия с гостиной площадью около 40 квадратных метров. Мебели почти не было. Небольшая черная мебельная стенка, двуспальная кровать, письменный стол, комод с ящиками. Телевизор на стене.

– Мебель ваша?

– Смеешься? Хозяйская.

– Сколько в месяц платите?

Она вздохнула и кивнула на кухню. Я побрел следом. Женя села на стул у окна и, подбрав ноги, обхватила колени руками.

– Что ты хотел?

– Женя, не веди себя, как все остальные, – взмолился я. – Ты знаешь, что я люблю своего брата больше всех. Я за него любого порву.

– Сейчас никому не нужно ничего рвать.

– Ты уверена?

Она нахмурилась.

– В смысле?

– Сергей говорил о каких-то проблемах. Когда последний раз приходил ко мне. Недели две назад.

Женя заволновалась.

– О каких проблемах? Мне он ничего не говорил. Что за проблемы?

– Сказал, что расскажет, когда я выйду. Я вышел – а он исчез. Совпадение?

Она устало покачала головой.

– Я уже не знаю, что думать. С телефоном не расстаюсь ни на минуту, – в качестве доказательства Женя продемонстрировала зажатый в ладони мобильник. – Если в ванную иду, потом первым делом к сотовому бегу. Вдруг Сергей позвонил...

– Когда ты видела его в последний раз?

– Как это когда? Когда посадила на поезд.

– Ты его провожала?

– Что за вопрос. Естественно.

– С какого вокзала? Я у родителей спрашивал, но они не знают или не помнят.

– Казанский. Он махал мне в окно, когда добрался до своего места. У него была нижняя полка, как раз у окна со стороны перрона... Часа через три Сергей мне позвонил. Сказал, что они на какой-то станции остановились. Кажется, он не говорил, на какой. Или я забыла, потому что тогда значения этому не придавала...

– Еще созванивались?

– Утром я послала ему СМС. Он не ответил. Я собиралась в институт как раз, – она поморщилась, – у нас сессия заканчивалась, зачеты и экзамены... После института еще раз ему написала. Часов пять вечера было. Пока на метро добралась, пока в магазин заскочила... Ответа так и не было. Я уже решила звонить ему. Телефон недоступен. Думаю, может, просто сети нет. Поезд-то черт знает где идет – лес, степь и все такое. Через час еще раз позвонила. То же самое.

– Когда занервничала?

– Когда по времени он уже в Оренбурге должен был быть. Звоню – телефон отключен. Написала кучу СМСок ему, просила ответить, спрашивала, все ли в порядке... Потом уснула как-то, – она протяжно вздохнула. Вспоминать те минуты было неприятно. – Утром вскакиваю, хватаю телефон. А ответа нет.

Я кивнул.

– Что делала потом?

– Ты как думаешь. Обзванивать всех бросилась. На работу ему позвонила, у меня визитки все были с телефонами. До шефа его дозвонилась. Тот удивился очень, но сразу среагировал. Сказал, что с Оренбургом свяжется. Они там Сергею номер в гостинице бронировали.

– И?

– Позвонил часа через два уже. Я по голосу сразу все поняла.

– Сергей в гостинице так и не появился?

Женя покачала головой. Нет, не появился. И впервые нормально, а не исподлобья, посмотрела на меня. Ей было страшно. Я ободряюще кивнул.

– Мы найдем его. Слышишь?

– Найдем, – горько повторила Женя. – Как? Щербаков в Оренбурге знакомых на уши поднял...

– Какой Щербаков?

– Шеф Сергея, директор «Гермеса». Эти знакомые на вокзал рванули, ментов местных подняли. Те опросили всех. Сергея никто не видел. На камерах наблюдения на вокзале его тоже не было. Они все посмотрели.

Я вспомнил Дулкина с его выдающимся служебным «рвением».

– Если им верить.

Женя зло сжала губы.

– Конечно. Все менты козлы, и я забыла. Цитата прям. И подпись – «Леха Явара».

Наши отношения с Женей были непростыми. Виноват во всем, конечно, был я.

Все началось полтора года назад. Мы с Тимуром познакомились в баре с двумя девушками. Ничего выдающегося не планировалось – все, как обычно: угостить, напоить, затащить. По пути на квартиру Тимура свернули в наш двор. Здесь нам повстречался Сергей, который держал путь с университета – лекции у него продолжались допоздна. Веселый, пьяный и добрый, я познакомил девушек с Сергеем. Тогда я понятия не имел, что мой брат сразу втрескался в одну из них. В Женю.

План, кстати, провалился. По пути на квартиру Тимура Женя дала нам от ворот поворот, поняв, к чему идет дело. Я, как самый настойчивый, схлопотал пощечину. Пощечина была что надо, след от ее ладони держался на лице несколько дней. Нужно ли говорить, что после того дня Женя меня и невзлюбила?

А через неделю я увидел ее с братом.

– Давай не будем разбирать меня на цитаты, особенно, если я этого не говорил, хорошо? – очень терпеливо попросил я. – Жень, Сергей говорил о каких-то неприятностях. Может, дело и не в этом, но лично я не хочу ничего сбрасывать со счетов.

Она взяла себя в руки. Личная неприязнь на самом деле только мешала.

– Мне он не о чем не говорил, я бы запомнила. Когда Сергей пропал, я ведь все его вещи просмотрела. Все до единой. Все перевернула. Думала, вдруг найду что-нибудь. Но все в порядке, ничего подозрительного или странного.

– За неделю-полторы до его отъезда – было что-нибудь?

– Почему именно тогда?

– Он ко мне приходил, помнишь?

– Ну да. – Женя задумалась. И вдруг озадаченно сдвинула брови. – Погоди-ка. Я день не помню... Точно!

– Что?

– Как раз примерно за неделю, или чуть больше, до этой долбанной командировки Сергея на работу вызвали. Срочно. Поздно вечером это было. Он взял трубку, на кухню ушел, говорил с кем-то. Вернулся как будто расстроенный. Говорит, на работе у него косяк небольшой с бумагами, а документы нужны срочно. Нужно ехать прямо сейчас. А время – часов одиннадцать было. Ночь почти.

Это было уже кое-что. Я был рад, что зашел.

Перед тем, как уходить, я вдруг вспомнил еще кое-что.

– Женя, машина Сергея.

– Чего?

– Отец отдал ему свою машину. «Киа». Он же так на ней и ездил все это время? Мы с ним как-то о машинах в последние полгода мало разговаривали.

– Ну да, на ней. На работу, с работы. К родителям. А что?

– Где она?

– А где она может быть, – удивилась Женя. – Внизу, на парковке. На месте, которое за этой квартирой закреплено.

– Ключи от машины у тебя?

Она нахмурилась.

– Если ты собрался взять машину, пока Сергея нет, и возить на ней своих...

Это было уже слишком.

– Я итак могу ее взять! – пришлось чуть повысить голос. – Если захочу. Это машина наших родителей. Но сейчас я хочу просто ее осмотреть. Ты, когда вещи Сергея проверяла, в машину заглядывала?

Женя соображала туго, но, когда до нее доходило, действовала быстро. Она сверкнула глазами, кивнула и побежала за ключами.

На лифте мы спустились на парковку. Там было светло, просторно и сухо. Машина отца, которой последний год по доверенности управлял Сергей, находилась под табличкой с номером парковочного места – он дублировал номер квартиры. Я взял у Жени ключи, нажал кнопку. Пискнув, сигнализация отключилась. Я открыл водительскую дверцу и усевшись за руль, принялся за дело. Я чувствовал себя настоящим сыщиком. Знаете, как в кино. Заглянул под козырьки над водительским и пассажирским сиденьем. Обследовал все содержимое бардачка. Изучил, что у Сергея хранилось в кармашке водительской дверцы.

Все это время Женя говорила. Скорее всего, чтобы звуком собственного голоса заткнуть панику. А вдруг я найду что-нибудь ужасное?

– Поезд в начале шестого вечера уехал. В пути он чуть больше суток. Где-то 25 часов с небольшим. Сутки в общем. Так что на следующий день в восемь вечера Сергей должен был быть в Оренбурге...

– В восемь вечера? У тебя все в порядке с математикой?

– А у тебя все в порядке с географией? – Женя даже обрадовалась, что появился повод сорваться на мне. Хотя бы за гуманитарные науки. – Сутки в пути плюс два часа разница во времени. Там другой часовой пояс. Широка страна моя родная, знаешь ли...

Пока она заполняла голосом пустоту, я думал, куда заглянуть еще. Необследованным оставались заднее сиденье и багажник. Но перед тем, как выбраться из салона, я решил заглянуть и в кармашек передней пассажирской двери. Пара пакетов, тряпка для протирки лобового стекла. Отец всегда держал ее здесь, и Сергей пошел по его стопам. Больше ничего.

Чтобы добраться до кармашка, пришлось почти лечь на пассажирское кресло. И в таком положении я увидел черную кляксу, от которой отразился падающий в окно свет фонарей на парковке.

– Это еще что?

– Что? – запаниковала Женя. – Что ты там нашел?

Я включил свет в салоне, щелкнув кнопкой над зеркалом заднего вида. И снова склонился вниз. Осторожно поднял коврик под пассажирским сиденьем и, почти ткнувшись в него носом, убедился, что моя догадка верна.

Стало не по себе.

– Что? Твою мать, чего молчишь? – бесновалась Женя. – Что там?

Я никогда в своей жизни не принимал участие в боевых действиях. Никогда не оперировал. Я просто прожил всю жизнь в не самом хорошем районе столицы. И за свои четверть века посмотрелся достаточно, чтобы отозваться:

– Это кровь, Женя. На коврике кровь.

Круг шестой

1

Дулкин поднял глаза с коврика, посмотрел на меня. Снова на коврик. И опять на меня.

– И что это, мать твою?

– Коврик из машины моего брата. На нем кровь.

– Рогов, ты сдурел?

– Мы уже говорим обо мне?

С вечера я сразу позвонил на рабочий – у меня имелся только он – телефон Дулкина. Но трубку в отделе розыска пропавших, состоявшем из только одного сотрудника, так и не взяли. Поэтому я рванул в полицию с утра. С ковриком из салона нашей «Киа», свернутым в рулон и надежно упакованным в чистый полиэтиленовый пакет.

– Рогов, – вздохнул Дулкин. Он похлопал себя по карманам, очевидно, в поиске сигарет. – Рогов, это пятно, которому черт знает сколько времени. Это может быть что угодно. Грязь, кофе пролитый, или... – его фантазия исчерпалась: – ...Или грязь. С какого хрена ты взял, что это кровь? Специалистом вдруг стал?

Я вспомнил все те моменты, когда я отстирывал со своей одежды такие же пятна. Кровь была моей, или оппонентов в драках во времена бурной молодости. Или вообще неизвестно чьей, когда я обнаруживал ее утром с похмелья и мог только гадать, что творил накануне. Если прокрутить все эти моменты под музыку, получится хороший видеоклип с пометкой «18+».

– Это кровь.

– Или грязь.

Меня начинало трясти.

– Послушайте, Валерий Николаевич, – я говорил очень спокойно. Специально следил за собой. – В кино я видел, что в полиции всякие экспертизы проводят. Криминалисты с пробирками и специальной аппаратурой и все такое. Не говорите мне, что в кино все врут, а экспертов у вас вообще нет. В кино ведь не врут?

Теперь начало трясти Дулкина.

– Рогов, б... дь, ты меня задрал уже! Задрал вчера, а сейчас тем более. Что тебе нужно, твою же наперекосяк, а? Чего ты тут отираешься?

– Мне нужно, чтобы вы сделали экспертизу. Она докажет, что это кровь, – не удержался и поддел опера: – А не грязь, кофе или грязь.

Дулкин протяжно выдохнул. Звук был, как у свистящего локомотива. Он ткнул пальцем в старое и высохшее пятно на резиновом коврике:

– Рогов, это пятно неустановленного происхождения. Оно старое. Для экспертизы наверняка непригодно.

– Давайте послушаем мнение самих экспертов.

– Иди музыку послушай! – зарычал Дулкин. – Во-первых, это старое хрен знает когда оставленное пятно. Во-вторых, и это главное, и слушай внимательно меня...!

– Только этим и занимаюсь.

– ...Твой брат пропал за тридевять земель отсюда, черт знает где он пропал! Он уехал из Москвы на ПОЕЗДЕ, Рогов. Поезд, знаешь? Ту-ту и все такое. При чем тут коврик из его машины? Чего ты мне мозг с самого утра выносишь?!

Я вздохнул. Нужно было искать новый подход.

– Валерий Николаевич. Мой брат пропал – как вы там это называете? – при невыясненных обстоятельствах. Перед отъездом он жаловался на какие-то проблемы. В его машине я нахожу

следы крови. А полицейский, в обязанности которого входит искать пропавшего и, вроде как, отрабатывать все версии, палец о палец не хочет ударить.

Дулкин яростно оскалился.

– Умный стал, да?

– Уж простите.

– Теперь ты вот так, значит, решил со мной говорить? Может, еще и к начальству моему пойдешь? Жаловаться типа?

– Хорошая, кстати, идея. Спасибо.

– Ты только из СИЗО приперся, и уже права качаешь! – рычал Дулкин, – Таких у нас не любят. Очень не любят, Рогов!

– У меня был условный срок за драку, но в СИЗО я полностью его отбыл, – парировал я. – Могу бумажку показать. Я был под подозрением в краже, но его с меня сняли. Перед законом я чист, если юридически посмотреть.

Дулкин фыркнул.

– «Юридически». Слов нахватался. С каких пор пацаны с района стали так бакланить? Феню отшибло?

– Я не бакланю. И я не просто пацан с района, если не заметили.

Опер нахмурился. Я на самом деле не походил на всех остальных с нашего района, с кем Дулкин и ему подобные имели дело. Блатной жаргон не использую, семечки не грызу, в подъездах под гитару не играю, спортивные полосатые штаны не ношу. Даже матерюсь редко.

Но Дулкин не собирался сдаваться. Он снова прощупал себя, наконец нашел сигареты и закурил. Одарил меня взглядом палача.

– Короче, так. Забирай это барахло и вали нахер отсюда. Если не свалишь, я прямо сейчас закрываю тебя на 15 суток. Понял меня? – и кивнул на дверь. – Слился.

Из кабинета я выходил, кипя от ярости. Краем глаза, уже стоя в двери, заметил плакат на стене. Старый, выцветший, заляпанный. На листовке была изображена цапля, сжимавшая в клюве лягушку. Лягушка, чья песенка была явно спета, в это самое время держалась своими крохотными зелеными лапками за длинную шею цапли и душила птицу, сдавливая ей горло. Надпись гласила: «Никогда не сдавайся».

Я с детства любил такие вещи. Всегда расценивал их как знаки, посланные кем-то или чем-то лично мне. Вот и сейчас я мысленно пообещал лягушке с картинки: «Хорошо, не сдамся».

Я позвонил Жене, сообщив о результате. Хотел завезти коврик к ней, чтобы оставить там на хранение – на случай, если когда-нибудь здравый смысл восторжествует, и полицейские все-таки согласятся принять коврик на экспертизу. Женья была на работе. Она работала менеджером в крохотном турагентстве где-то в районе Мытищ. Женья предложила другой вариант: коврик я мог оставить ее соседке, пенсионерке.

Закат жизни у большинства современных людей вызывает настоящее безумие. Но Женья заверила, что соседка вполне бодрая и, что самое главное, адекватная.

Оставив пакет со свернутым ковриком, я второй раз за утро спустился в проклятое душное метро. Пунктом назначения был офис компании «Гермес».

Контора фирмы, где работал («работает!», одернул я себя) Сергей, располагалась на территории Москва-Сити, в новой высотке из стекла и бетона, смотрящей фасадом на Москва-реку. Здесь я чувствовал себя неуютно и не понимал, как мой брат мог работать. Офисная жизнь и все, что с ней связано. Я лучше бы перетягивал мебель в полуподпольном цеху в гаражах с Колей Фокиным, чем натянул на себя костюм и душный галстук и ходил каждое утро на поклон корпоративной культуре.

Да, мы с Сергеем абсолютно разные. Но все-таки мы одна семья и одна кровь. Мой брат работал («РАБОТАЕТ, черт побери!») здесь. Кто я такой, чтобы диктовать другим, как им жить. И уж тем более осуждать их.

Я ожидал чего-то масштабного и грандиозного и от самого «Гермеса». Например, что фирма занимает целый этаж. Или даже два. Сотрудники катаются на электронных самокатах-сегвеях и козыряют друг перед другом золотыми швейцарскими часами. Все оказалось не так. «Гермес» занимал крохотную часть коридорчика на 32-м этаже офисного небоскреба. Пять-шесть кабинетов, не больше. Я проследил за табличками на дверях и нашел приемную генерального директора. Дверь в кабинет Щербакова находилась рядом со столом секретарши. Миловидной молодой женщины в костюме.

– Добрый день. Я к Щербакову.

Секретарша оценивающим взглядом смерила меня с головы до ног.

– Вы по какому вопросу?

– По личному.

– А поподробнее?

– Только если ваша фамилия Щербаков.

– О, – растерялась секретарша.

– Скажите ему, – сжалился я, – что пришел брат Сергея Рогова.

Секретарша изменилась в лице.

– О.

– Вот именно.

Она предложила сесть. Я остался стоять. Секретарша зашушукала по телефону, косясь на меня. Потом положила трубку и поведала, что Николай Андреевич сейчас меня примет.

Через минуту открылась дверь кабинета. Я был наготове и тут же шагнул к двери. Из кабинета быстро вышел короткостриженный тип с наглым взглядом, который задел меня плечом. Довольно сильно, я пошатнулся.

– Полегче.

Тип мельком глянул на меня, что-то пробурчал себе под нос и испарился. А на пороге кабинета уже вырос Щербаков. Лоснящийся здоровьем и успехом тип лет 45. Плотный, с волевым лицом, уверенный в себе. Он сразу протянул руку.

– Вы брат Сергея?

– Алексей. Рогов.

Жестом он пригласил меня внутрь. Жестом же предложил сесть. Я не возражал. Кабинет был шикарный. Хай-тек, минимализм, панорамное окно с роскошным видом. Щербаков уселся в кожаное кресло напротив меня.

– Чем могу помочь?

– Я пытаюсь сообразить, что мне сделать, чтобы найти брата.

Щербаков с сочувствием кивнул.

– Паршивая история. Очень паршивая.

– Спорить не буду. Скажите, зачем вы отправили Сергея в Оренбург? Что он там должен был сделать?

– Цель командировки не имеет к его исчезновению никакого отношения. Насколько я знаю, до Оренбурга Сережа так и не доехал.

«Сережа» резануло слух.

– А все-таки. Или это секретная информация?

– Конечно, нет, – Щербаков пожал плечами. – Наша фирма, «Гермес», занимается инвестициями. Покупкой активов. Мы приобретаем разные перспективные, по оценкам наших аналитиков, фирмы. В основном в регионах. Финансируем, оптимизируем, выводим на прибыль. Доводим до хороших результатов и продаем. Понимаете?

– Чем занимается фирма – да. Зачем мой брат поехал в командировку – не совсем.

– А, ну да. Мы присмотрели там одно рекламное предприятие. Работает оно практически по нулям, но перспективы хорошие. Реклама в лифтах. У нас на примете есть несколько похожих предприятий в других регионах, и возникла мысль... скажем так, сделать сеть рекламных компаний. Масштабировать, оптимизировать. Понимаете?

– Не обязательно каждый раз это спрашивать, – я разговаривал очень вежливо, кстати. – Я вас слушаю.

– Вот Сергей и должен был встретиться с хозяйкой фирмы. Посмотреть бумаги. Баланс. Имущество ихнее. Посетить точки, где стоят их рекламные щиты. Одним словом, посмотреть все на месте. И потом подготовить отчет. Стоит овчинка выделки, или лучше не связываться.

Проблемы. У Сергея были проблемы.

– С этой сделкой было что-то не так?

– Почему вы это спрашиваете?

– Брат говорил, у него неприятности. Незадолго до этой поездки.

Щербаков нахмурился.

– А он говорил... какие именно?

– Если бы.

– Ну, – гендиректор фирмы развел руками. – Может быть, с девушкой. С родителями. С приятелями. Мало ли что. Здесь все спокойно. Никаких конфликтов, никаких неприятностей, как вы выразились. Обычная рабочая обстановка.

– Может, он с кем-то из коллег не ладил?

– У нас тут соревновательный дух. Кто встал первый, того и тапки. Каждый старается урвать свой кусок, понимаете?

– Капитализм.

– Что? А, ну да. Хочешь заработать – выкладывайся. Это мой девиз. И я хочу, чтобы так же думал каждый в моей компании. Пока получается. Но переход на личности недопустим. Я слежу за этим. Так что, если вы думаете, что из-за какого-то рабочего момента кто-то мог... – Щербаков покачал головой. – Это исключено. Да и вообще. Вряд ли работа Сергея связана с тем, что случилось. Насколько я знаю, он благополучно сел на поезд и даже звонил в дороге своей девушке?

– Но до места не добрался.

– Страна у нас большая. Поезд идет через множество регионов, городов, поселков. Останавливается на разных станциях. Люди выходят, новые заходят. Понимаете, о чем я? А ведь вокзалы – это всегда криминал. Это все знают.

Я вспомнил про Дулкина. Опер из отдела пропавших делал вид, что никогда о таком не слышал.

– Николай... Андреевич, – не сразу вспомнил я имя Щербакова. – Еще кое-что. Как-то раз, приблизительно за неделю до командировки, Сергея ночью вызвали на работу. И как раз примерно тогда он сказал о неприятностях.

Щербаков нахмурился, вспоминая.

– Вызвали ночью...? Ничего подобного.

Я насторожился.

– Вы уверены?

– Само собой. У нас такое вообще не практикуется. Мы не экстренная служба, чтоб ночью сотрудников на ноги поднимать. Да и плюс... Сережа перед отъездом не занимался ничем срочным. По крайней мере, настолько срочным, чтобы среди ночи дергать его и вызывать в офис.

Мы говорили еще минут десять, пока не стало окончательно ясно, что здесь я ничего не добьюсь. Кроме того, что узнал уже. У Сергея были неприятности, о которых он не мог

говорить даже своей девушке и без пяти минут невесте Жене. Только мне. Но меня в нужную минуту не оказалось рядом.

Я уже уходил, когда в приемную за мной следом вышел Щербаков.

– Алексей. Хотел сказать... Сочувствую, что так вышло. И если я могу чем-то помочь в поисках Сережи или информации о том, что с ним случилось, – Щербаков был чертовски деликатен. – В общем, хоть как-то поспособствовать или помочь. Обращайтесь ко мне.

Он протянул визитку. Я принял карточку. На ней были его рабочий и сотовый телефоны. Я был удивлен. В ответ на мой немой вопрос Щербаков вздохнул:

– Это ведь я согласился отпустить Сережу в эту поездку. Если бы я знал, что так повернется...

– Согласился? – прищурился я. – Что это значит?

– То и значит. Сергей сам вызвался поехать. Даже настаивал. Сказал, что он с огромным удовольствием поедет и развеется.

Я был озадачен. Это многое меняло.

2

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем тебе смотреть вещи Сергея? Что ты хочешь там найти?

Я терпеливо вздохнул, глядя на отца. Он стоял на пороге бывшей детской комнаты, где мы с Сергеем выросли. Стоял, словно цербер, охранявший запретное царство.

– Если найду, ты узнаешь первый.

– Тебе больше всех надо?

– Отец, если ты о том, что никто ничего не делает, то есть вообще ничего, все только смотрят на свои телефоны, как на волшебные кристаллы, как будто эти телефоны живут собственной жизнью и могут заставить Сергея вернуться и позвонить – то да. Мне надо больше всех.

Отец покачал головой.

– Этим полиция занимается.

– Полиция ни хрена ничем не занимается. Я сегодня был там.

– Знаю. Мне звонили. Сказали, ты скандал устроил, – отец говорил устало, всем своим видом давая понять, как он смертельно устал от моих выходок и от меня самого. – Тебя чуть на 15 суток не посадили. Когда же тебе надоест нарываться. Почему ты не можешь жить как все нормальные люди.

Дулкин, сукин сын.

– Нормальные люди смотрят на свои телефоны и ждут чуда.

– А ты, значит, воюешь против всех? Мир и все люди вокруг ничего плохого тебе не сделали. Вокруг нет врагов. Ты сам свой враг.

Он не называл меня по имени. Я забыл, когда слышал последний раз «Леша» или хотя бы «Алексей» из его уст.

Непроизвольно я снова вздохнул.

– Батя, я только хочу понять, о чем мне пытался сообщить Сергей перед тем, как исчезнуть. Для меня это тоже важно. Он мой родной брат. Хочешь ты это признавать или не хочешь, суть не меняется.

Отец поколебался. И отошел от двери.

В нашей с Сергеем комнате, в которой мы жили, росли, спали, делали уроки и общались все эти годы, все было по-прежнему. Сергей съехал лишь пару месяцев назад. Его вещей было много. И я принялся рыться в них. Я знал, где что лежит. Его книжная полка с книгами. Сергей всегда много читал. Шкаф с его вещами. Из большинства он вырос, но мать не позволяла выбрасывать. Письменный стол с выдвижными ящиками, заполненными всякой всячиной.

Отец пялился в одну точку, погруженный в свои тревоги. Мне было жалко старика. Интересно, было ли ему хоть когда-нибудь жалко меня. Или было вообще хоть что-то из чувств или эмоций, кроме усталого равнодушия. Я отогнал всю эту чушь и спросил, роясь в верхнем ящике стола:

– Дулкин только на меня жаловался, или еще и по делу что-нибудь сказал?

– Они ищут.

– Это его слова?

– Они разослали фотографии по всем городам. Фотографии с описанием.

– Это называется ориентировки.

– Тебе лучше знать.

Я пропустил намек мимо ушей.

А потом открыл второй ящик и нашел кольцо. Квадратная коробочка, обшитая атласной тканью. Я открыл ее. Внутри лежало тонкое красивое кольцо из белого золота. Я медленно опустился на старенькое компьютерное кресло, созерцая блеск благородного металла. Кольцо для Жени.

– Не трогай, – подал голос отец.

– Что?

– Положи на место. Ты его не заберешь.

В голосе отца послышалась решимость, похожая на угрозу. Меня как ледяной водой окатили. Знаете, можно осознавать, что ты неуклюжий, но, когда падаешь и ломаешь ногу – это все равно очень неприятный сюрприз. Так и здесь. Я давным-давно знал, каких мыслей обо мне отец, но слышать подобное последнему намеку было все равно за гранью понимания.

– Ты сейчас серьезно?

– Просто положи.

Я так и сделал. Медленно. Чувствуя, как закипает злость.

– П...ц, – произнес я, не сдержавшись. А ведь я никогда раньше не выражался при родителях. – Это перебор, батя. Это серьезный перебор. Ты думаешь... Ты думаешь, я пришел сюда, чтобы спереть что-нибудь? У собственного брата? За кого, б... дь, ты меня принимаешь?

Отец упрямо набычился. Он тоже сообразил, что момент для разбора полетов подходящий.

– А ты сам себя кем считаешь?

– Ты всю жизнь относился ко мне, как к существу второго сорта. Для тебя в семье было всегда только три человека: ты сам, мать и Сергей. Я был недоразумением, которое путалось под ногами и бесило.

Я ударил в точку. Отец чуть растерялся.

– Не ври.

– А знаешь, я специально бесил тебя, – я распаялся все больше. – Видел все это, поэтому многое делал специально. Знаешь, почему? Даже когда я был сопляком, я понимал – все мы интуитивно понимаем некоторые основные вещи, это в нас прошито – что так относиться к собственному родному сыну нельзя. Ты не представляешь, как хреново осознавать, что ты не нужен родителям.

– Перестань, – его голос хрипел.

– Дослушай меня. Ты мне намекнул, что лучше бы вместо Сергея пропал я. Хочешь правду? Я согласен. Я только за. Сергей был бы с вами, а я не видел бы твоей презрительной рожи. Но факты таковы, что пропал именно Сергей. Так карта легла. И сейчас, здесь и сейчас, перед тобой стоит только один твой сын. Который никуда, уж прости, не пропал. Этого сына ты терпеть не можешь, но это ничего не меняет.

– Хватит.

Теперь я чуть ли не орал, звонко чеканя каждое слово.

– Ни хрена не хватит! Я скорее сдохну, чем что-то возьму у Сергея. У тебя есть не только любимый сын, но и жена. А у меня есть только брат. Он – вся моя семья, которая действительно принимает меня. Можешь ненавидеть меня, вперед. Можешь желать мне что угодно, на здоровье. Меня это перестало задевать уже давно. НО, батя. Оскорблять меня не смей. Считаешь меня чужим – считай, но тогда уж помни, что чужие за оскорбление могут дать в морду. Так что следи за своим поганым старым языком. Я могу проглотить очень многое, но не все.

Я вышел из комнаты и быстро направился к двери. До меня донесся серый голос отца.

– Стой.

Я в сердцах, впервые в жизни, послал его и хлопнул дверью.

А потом напился. Так отчаянно, словно это был вопрос жизни и смерти. Не думая о деньгах, которых оставалось все меньше и меньше. Напился в нашем баре, находящемся на углу

квартиры, где я отирался днём и ночью все последние годы и где знал каждого человека и каждый штрих интерьера.

Я уже был на рогах, когда в баре нарисовался Тимур. Он принес мне сотовый, который я просил пару дней назад.

– Чистый?

– Обижаешь, – заявил Тимур и на самом деле принял обиженный вид. – Сам перепрошивал. Для себя хотел оставить.

– Ты так всем говоришь.

– Но теперь это правда.

– Так ты тоже всем говоришь. – Тимур зарычал, я с усмешкой отмахнулся: – Ладно, забей.

Какой у меня номер?

– Понятия не имею. Позвони мне.

– Как-нибудь обязательно.

– Нет, в смысле, тогда твой номер...

– Не перегревайся, – привычно буркнул я и побрел к барной стойке. Заказал сразу три кружки. Две себе, одну Тимуру. Вернувшись, тяжело плюхнулся за стол, чокнулся с кружкой Тимура и залпом осушил половину своей. Однокашник с тревогой наблюдал за мной.

– Все нормально, да?

– Ни хрена. Все паршиво, Тим.

– Ну да, ну да, – закивал он. Поковырял в носу. – О, слушай. Я что тебе хотел сказать...

У твоего брата своя страничка есть?

– У него целая книжная полка. Он любит читать.

– Не-не-не. Я про социальные сети. Где-нибудь у него есть аккаунт? Вконтактыш, мордокнига, одноклассники?

Я задумался. Голова к этому времени соображала уже плохо. Хотелось просто сидеть и пить до беспамятства. Потом, может быть, подраться с кем-нибудь, заслуживающим того, чтобы излить на него свою ярость. А вот думать не хотелось.

– Вообще не в курсе. Ты знаешь, я всем этим делам не доверяю.

– Знаю-знаю. – Сегодня, судя по всему, у Тимура была новая фишка: повторять каждое слово два-три раза. Это было отвратительно. – Большой брат следит за тобой и все такое.

Я хмыкнул.

– Если бы большой старший брат следил, кое-кто был бы сейчас дома.

Тимур запнулся на полуслове.

– Не бей меня.

– Хватит пороть чушь, Тим.

Я залпом допил пиво и побрел в туалет. И, пока я гонял по дну унитаза чей-то бычок, меня вдруг осенило. Еле дождался, чтобы вернуться. А когда водрузил свое почему-то пошатывающееся тело на стул, выпалил:

– Ты можешь достать распечатку звонков?

Тимур поперхнулся пивом. Откашлявшись, моргнул.

– Чего?

– Ты же у нас чертов компьютерный гений. Один раз ты уже это делал, помнишь? Я тебе даю номер сотового Сергея. А, погоди, ты же знаешь его номер... Ты пробиваешь его и достаешь мне распечатку звонков. Кому Сергей звонил в последний месяц. И кто звонил ему.

Тимур вздохнул. И принялся ломаться, за что мне сразу захотелось двинуть ему.

– Ну не знаю... Это не так просто... Нужно звонить тому пацану в офис, да еще и бабла ему сунуть...

– Тимур, – с нажимом сказал я.

– Хорошо, я все сделаю, – быстро откликнулся тот.

... Проснулся я около полудня. Как добрался до матраца на полу квартиры Тимура и даже до самой этой квартиры, я понятия не имел. Осмотрел костяшки – царапин нет. Драки не было. Уже хорошо. Я отругал себя за слабость. Пока мой брат черт знает где, я нажираюсь в кабаках.

Умывшись и ради разнообразия даже побрившись, я порылся в подаренном Тимуром сотовом телефоне. Нашел календарь. Когда ты нигде не работаешь, тебе, по существу, плевать, какой сегодня день недели. Ты выпадаешь из времени и дрейфуешь сам по себе. Сегодня, оказывается, была суббота. Женя не работала. Поэтому я вышел на свет божий и с сигаретой в зубах побрел к метро.

На звонок в домофон Женя ответила сразу.

– Женя, это я.

Я услышал, как она вздохнула.

– Сейчас выйду.

В ожидании Жени я закурил. Когда она с сумочкой на плече вышла из подъезда, я хмуро покосился на девушку.

– Не хочешь пускать даже? Тебе мой отец, что ли, звонил?

– При чем здесь твой отец?

– Наш с Сергеем отец.

– При чем здесь ваш отец?

– Должна же быть причина, почему ты даже в подъезд меня впускать отказываешься.

– Я тебя не боюсь, – заявила Женя.

– И не должна.

Она выдохнула. Разговор получался странным.

– Хочу родителей поведать, к ним собираюсь. Ты меня как раз в дверях застал. Так что не принимай на свой свет. Ты что-нибудь узнал или просто так пришел?

Вкратце я пересказал свой вчерашний разговор с Щербаковым.

– Сергея не вызывали ночью в офис. Не было такого. У них так не принято.

Женя, пораженная, медленно села на лавочку и пробормотала себе под нос:

– Так...

– Ты не смотрела, с какого номера ему звонили?

– Так...

– Женя?

Она вздрогнула, подняла глаза, вернулась в реальность.

– Я не проверяю телефон своего парня, как некоторые. Я ему верю.

– И верь дальше. Он тебя любит. Когда он приходил ко мне, говорил только о тебе. И сверкал при этом, как обсосанный со всех сторон леденец.

– Так... – снова сказала Женя. – Он на самом деле во что-то вляпался, да?

– И потому решил уехать, – согласился я. – Он сам вызвался, так сказал его шеф.

– Так...

– Закругляйся, пожалуйста.

– Ты думаешь... Думаешь, эти его непонятные неприятности... догнали Сергея?

Пришлось признаться:

– Я пока вообще не знаю, что думать. Но я узнаю. Обещаю тебе. Для меня это так же важно, как и для тебя.

Я хотел сказать правду – для меня это гораздо более важно – но решил побережь ее чувства. Сейчас, как ни странно, она была единственным, кто не хотел плюнуть мне в рожу. Можно было даже сказать, что мы с Женей были заодно.

Она посмотрела на меня и кивнула. В ее глазах промелькнуло нечто, смахивающее на признательность. Потом Женя закусила губу.

– Как ты думаешь... Сергей жив? Я читала, что в 90 процентах случаев такие люди... Их где-то убивают просто, или...

Теперь пришла пора заботиться уже о своих чувствах.

– Так, Женя. Договоримся раз и навсегда. Сергей жив, пока не доказано, пока Точно не доказано, обратное. Мы не знаем, что с ним случилось, где он сейчас, но мы исходим из того, что он жив. И мы найдем его. Он вернется, и все будет хорошо. Слышишь?

Она покивала, а потом красноречиво покосилась на часы. Я, как в той песне, все ловлю на лету, поэтому поднялся со скамейки.

– Если что, звони. Я тут обзавелся сотовым. Сейчас тебе СМС-ку пришлю.

Когда мы покончили с идентификацией моего нового номера, и я уже развернулся, чтобы двинуться к чертовому метро, Женя окликнула меня.

– Леш! – я обернулся, и она подошла ко мне. – Я так подумала... Ты время тратишь. У тебя ведь ни работы сейчас, ничего, а ты мотаешься по всему городу. Если хочешь, можешь взять машину Сергея.

Я был приятно удивлен, но покачал головой:

– Не думаю, что это очень хорошая идея.

– Сергей был бы не против, – настаивала Женя. – Там полный бак, он перед отъездом заправился. Ключи отдашь ему. Когда вернется. Раз уж мы договорились считать, что... что это точно будет.

Аргумент был хороший. Я пораскинул мозгами и сразу же нашел в идее обзавестись машиной свои плюсы. В первую очередь это была возможность бомбить по нашему району, а значит, заработать денег.

Вдвоем мы поднялись наверх. Я постоял снаружи, пока Женя в квартире искала ключи от отцовской «Киа». Затем на лифте мы спустились прямо на парковку и побрели по широкому проезду, утыканному с обеих сторон машинами жильцов.

– Только пообещай, что ты не будешь разбивать ее. Или оргии там устраивать. Я себя не прошу, если ты подведешь.

Пообещай. Она уже берет с меня слово, как недавно это делал брат.

– Вы с Сергеем хорошая пара, – улыбнулся я. И уже открыл рот, чтобы сказать «Обещаю, не волнуйся», но так ничего и не сказал. А потом и вовсе закрыл рот. Женя, наоборот, открыла.

– Где машина? – с глупым видом спросила она.

Женя растерянно таращилась на парковочное место с номером их квартиры. Отцовского автомобиля и след простыл.

3

Машина принадлежала отцу, поэтому пришлось звонить ему. Родители приехали довольно быстро – меньше чем за час – на такси. У отца был землистый цвет лица. Мать растерянно смотрела по сторонам, на людей в форме и на нас с Женей. Я знал, что мать волновалась, а значит – сейчас она не могла произнести вообще ничего.

Опер из местного ОВД осматривал осколки стекла из водительской дверцы. Двое ППСников в форме уныло топтались в стороне.

– Они выбили окно, – заключил опер. – Потом, наверное, соединили провода под приборным щитком. И свалили.

Я кашлянул.

– До сих пор я думал, что охраняемая стоянка отличается от неохраняемой тем, что охраняемую – охраняют. Иначе зачем бы ее так называли?

Опер пожал плечами и бросил одному из ППСников:

– Сторожа приведите сюда.

Отец и мать, которая, как за спасательный круг, держалась за отцовский локоть, подошли к нам. Батя скользнул хмурым взглядом по моему лицу. Кивнул Жене в знак приветствия. Опер хмуро уставился на стариков.

– Вы кто?

– Хо... хо... хо... – мать горела желанием ответить. Но не могла. Отец одернул ее, поведя сжатым в ее ладонях локтем, и ответил:

– Владелец машины.

Опер сверился с бумагами на автомобиль, которые из квартиры забрала Женя.

– Рогов Владимир Иванович?

– Ее угнали?

– Ваш сын заявляет, что это как-то связано с исчезновением его младшего брата.

Отец стиснул зубы, намереваясь сказать оперу все, что он думает об этом своем сыне. Я опередил его.

– Я вам уже объяснил. Мой брат жаловался на какие-то неприятности, – эту фразу я повторял в последние дни так часто, что сам себе напоминал попугая. – В его машине я нашел пятно крови. На коврике. Теперь машину угоняют. Сомневаюсь, что это местная шпана решила покататься. Для этого можно угнать любую машину на улице.

Отец пораженно посмотрел на меня. Лицо его посерело еще больше.

– Кровь?

– На коврике.

– Почему ты... Когда?

Теперь его перебил опер. Мы как сговорились обрубить старика на каждой фразе.

– В полицию сообщили?

– Попытался сообщить, – я очень надеялся, что теперь на Дулкина от его коллег прикатится какая-нибудь телега, и этот бездельник в погонах получит выговор. – В отдел по розыску пропавших. Меня отказались выслушать. Рожей, наверное, не вышел.

При этом я покосился на отца. Последняя фраза адресовалась ему тоже.

– Но коврик мы вытащили, – вмешалась Женя. – Он у нас.

– Серьезно? – опер удивился. – Это хорошо. Несите тогда.

Женя возбужденно кивнула и, переглянувшись со мной, быстро направилась к лифту. Почти побежала. А со стороны выезда со стоянки показался ППСник. Рядом с ним плелся сторож. Пожилой мужчина, с животиком, седыми волосами и растерянным взглядом.

– Вы стоянку охраняете?

– Сейчас моя смена, – пролепетал сторож. – Двенадцать часов.

– Вы стоянку обходите хоть иногда? Когда именно машина пропала, можете сказать?

Сторож сконфузился.

– Как бы, у нас ведь камеры наблюдения. Если что-то не так будет, мы на мониторах увидим... Зачем обходить... Как бы...

Я машинально осмотрелся. В поле зрения попала только одна камера. Статично закрепленная, она висела на потолочной металлической балке метрах в 20 от парковочного места Сергея и смотрела в противоположную сторону.

Опера интересовал тот же вопрос, что и меня:

– А этот участок на мониторах просматривается?

Сторож помялся.

– Как бы, не особо.

– Не особо – это как?

– Это значит, что нет... Как бы.

Опер вздохнул. Надо сказать, на меня он производил неплохое впечатление. Может быть, потому что раньше мы с ним не пересекались, как с Дулкиным.

– Вы, – полицейский повернулся к отцу. – Пишите заявление. Знаете, как? Федосов, подскажи, если что. Вот вам бумага.

Он выудил из своей папки чистый лист бумаги и даже ручку. ППСник, названный Федосовым, подошел, чтобы помогать. Отец взял ручку. Пальцы тряслись.

– Не... Н... Ннн... – пыталась успокоить его мать.

Опер увлек сторожа к камере на выезде со стоянки, где тот коротал время – изымать записи с камер наблюдения. Когда они ушли, отец посмотрел на меня. В его глазах стояла паника. Голос звучал хрипло.

– Почему ты мне не сказал?

– Был слишком занят, – проворчал я мстительно. – Пытался украсть что-нибудь из вещей брата. Знаешь, как это бывает у нас, у уголовников.

– Ты должен был мне сказать.

– Каждый из нас что-то должен. У всех свои обязанности. Но всем плевать.

Отец положил лист бумаги на крышку капота ближайшей машины. ППСник с готовностью нарисовался рядом.

– Пишите. Начальнику отдела внутренних дел...

Отец принялся писать. Потом вдруг уронил ручку на бумагу. Она скатилась по наклонной поверхности крышки капота и упала на асфальт. ППСник попытался что-то сказать, но увидел лицо отца и замер.

– Володя! – закричала мать и бросилась к отцу.

Только тут я сообразил, что случилось. Отец осел на одно колено, хватаясь рукой за область сердца на груди. Он открывал рот, то ли силясь что-то произнести, то ли пытаясь вдохнуть воздуха. Ни то, ни другое не получалось.

– Воды! – панически завизжала мать ППСнику, который растерянно пялился на отца. Мать рылась в своей сумочке в поисках таблеток. Шаря рукой в сумке, она вскинула глаза на меня. – Это из-за тебя! Ч... Что стоишь? Во... Воды найди!

Надо было запомнить. Если случается что-то хреновое, виноват я. Наверное, кому-то так было легче жить. Хотя от матери этого я не ожидал.

Когда отцу полегчало, я просто ушел. На улице закурил и стоял на углу дома минут десять, пытаясь выбросить все из головы. Сейчас было не до эмоций. Выбросить вообще все – не получалось. Хотелось выпить в ближайшем же баре. Но я пересилил себя и выдвинулся в сторону метро.

Тимур сидел за компьютером, мрачный. Он тянул пиво из банки – сукин сын будто дразнил меня – и с унылым видом тыкал компьютерной мышкой. Когда я зашел, он забурчал:

– Прикинь, меня один урод кинул. Я его страничку админил. А он кинул. Типа сам вести буду. Три сотни мне должен.

– Сочувствую. Погоди. То есть, ты вроде как теперь не занят?

– Ты к чему клонишь? – нахмурился Тимур.

– Я тут сообразил. Все эти соцсети, в которых ты сутками зависаешь...

– Это работа!

– ...Там ведь куча народу пасется? Из всех городов?

– Ясен перец.

– Тимур. Найди список городов, через которые идет поезд «Москва-Оренбург». Это для тебя должно быть несложно. Потом нужно найти странички этих городов. Группы или форумы, им посвященные. Крупные, где ошивается много народа. И туда нужно запостить объявление. Пропал человек. И фотографию Сергея. Сможешь?

Тимур обреченно вздохнул.

– Когда это нужно сделать?

– Сейчас.

– Зачем только спросил...

– Что?

– Говорю, не вопрос, сделаем.

– Хорошо. А что с распечаткой?

С несчастным видом Тимур поковырялся в носу.

– В шесть часов с человечком встречаемся. Около его офиса.

– Супер.

– Это далеко. А у меня работы по горло и... – поймав мой взгляд, Тимур осекся. – Ну, надо так надо.

Чтобы отвлечься, я взял почитать книгу с полки. Книги Тимуру остались от бабушки, которая была начитанной старушкой и тряслась над своей скромной библиотекой, как коршун над птенцами. Тимуру на это богатство было наплевать. Книга была по эзотерике. История шаманизма и общие сакральные корни этих верований у народов Азии. Сначала я просто лениво листал. Затем увлекся. Под такое чтиво было, о чем поразмыслить, учитывая, какие идеи последнее время приходили в мою голову.

В пять вечера Тимур с несчастным видом засобирался. Он ждал, что я составлю ему компанию, но я потягивал кофе из старой кружки и шуршал страницами. Демонстративно вздыхая, Тимур наконец убрался.

А я сел за компьютер. Честно говоря, с техникой я никогда не дружил. Сергей – да, с компьютером он был на «ты». Тимур тем более – с ним уже сами компьютеры были на «вы». А ко мне мной, если бы машины могли говорить, эти консервные банки обращались бы в лучшем случае с пренебрежительным «Эй, ты». Но я все-таки знал, как пользоваться поисковиком.

К этому времени Тимур нашел список городов – файл с маршрутом поезда был на рабочем столе. Я пробежал глазами по названиям. Рязань, Рузаевка, Сызрань, Новокуйбышевск, Самара, Богатое, Колтубанка, Бузулук, Тощкая, Сорочинская. Новосергиевская и Переволоцкая. Последним пунктом значился Оренбург.

Не так уж и много.

Я боялся делать то, что собирался. Но это нужно было сделать рано или поздно. И я принялся искать. В поисковике вбивал слова «неопознанный труп», «убийство», «вокзал». И подставлял рядом названия городов из списка Тимура. После чего жал «новости» и смотрел последние сообщения из этих городов на нужную мне тему.

На это ушло пару часов.

Никакой информации не было. В одном городке нашли неопознанный труп и даже выложили его фото. Это был бомж лет 40—50. В другом писали о поножовщине на перроне. Открыв новость, я обнаружил, что подрались следовавший из зоны уголовник и местный маргинал, который и отправился в больницу с ножевым ранением в живот.

Новостей о смерти Сергея не было. Если бы на одной из станций убили человека, новость должна была быть. Сейчас у всех служб есть отделы по связям с прессой, которые готовят такие сообщения. Я достаточно смотрел новостей, чтобы знать, что так это и работает. О трупе молодого человека никто не сообщал.

Это помогло мне отбросить последние сомнения. Сергей – жив.

И я найду его.

Вот только как?

Тимур вернулся к восьми. Принес распечатку звонков с телефона Сергея и наоборот, на его телефон с других устройств. С ручкой, которую едва удалось найти на загаженном всякой всячиной столе Тимура, я засел за бумаги.

И понял, что сам я ничего тут не смогу сделать. Все, что я мог идентифицировать – это жалкие пять номеров. Домашний телефон родителей. Сотовый отца. У матери мобильного телефона не было – она всегда волновалась, когда нужно было отвечать на звонок, и минут пять могла пытаться произнести только «Алло». Дальше – сотовый телефон Щербакова. Телефон в офисе «Гермеса» – он был почти такой же, как и рабочий у Щербакова (помогла визитка гендиректора), отличались только последние две цифры. Ну и номер Жени. На него звонков было больше всего. Любимая девушка.

Я набрал ее. Трубку Женя взяла почти сразу.

– Аллю?

– Женя, это я.

Она помолчала.

– Ты в курсе, сколько время?

Я поискал глазами часы. Десять минут двенадцатого.

– Прости. Нужна твоя помощь.

В двух словах я обрисовал ситуацию. Женя отнеслась к идее очень живо.

– Конечно! Я сама с удовольствием. Приезжай завтра после обеда.

– Ты хотела провести выходные у родителей.

– История с машиной поменяла планы.

Через час я лег спать. Тимур сидел за компьютером, постоянно щелкая клавишами или кнопкой мышки. Скоро утомился и он. Я валялся на полу, пытаюсь уснуть, а Тимур шастал мимо. Потом лег на диван, погасив свет. И почти сразу захрапел. Мне же сон упрямо не шел.

Я думал о брате.

Что с тобой? Третий месяца прошла с тех пор, как ты должен был вернуться домой. Для кого-то – короткий срок, для кого-то – целая вечность. Никакой информации и никаких следов, кроме намеков на неведомые неприятности и злосчастного коврика с пятнышком крови.

Что с тобой, Сергей? Где ты?

Если нарисовать на спине человека карту Москвы с Красной площадью в центре позвоночника, чуть пониже лопаток, то наш район будет строго в заднице. И это очень точная метафора. Рабочий люд, любители выпить и подраться. В 90-е, когда мы с братом были совсем маленькими, район заполнили наркоманы и гопники. В основном это были местные, не нашедшие для себя пристанища и иного занятия. Тусовки сплывались в банды, которые воевали квартал на квартал. Некоторые объединялись, другие распадались. Интриги, которым позавидует любой сериал про мафию. На съемных квартирах обосновались барыги – торговцы наркотиками – из Средней Азии, а их клиенты добывали деньги на дозу прямо здесь, на улице. Грабя женщин, стариков и подростков.

Я вспомнил, как впервые избили брата. Ему было лет 12. Он шел со школы, когда его встретила стайка пацанов из другого района. Их было трое. Сергей был один. Домой он вернулся с заплывшим глазом и разбитой скулой.

Тогда я тоже жалел, что меня не было рядом.

Сам я впервые подрался в семь лет. Последнее лето перед школой. На детской площадке в нашем дворе 10-летний бугай из соседнего подъезда, которого боялись все, решил самоутвердиться за счет Сергея. Он толкнул брата. Тот упал на асфальт и расшиб колено.

Родители растили нас, внушая, что драться – это плохо. Если ты дерешься, то улица ждет тебя с распростертыми объятиями. А они с тревогой взирали на улицу по вечерам, выглядывая из окон при каждом далеком крике. Тогда их слова были для меня истиной в последней инстанции. Я слушал их и верил им.

До момента, когда бугай из соседнего подъезда разбил колено Сергея.

Я как обезумел. Почему-то тот момент я помню очень хорошо. Вдруг все внушения родителей рассыпались в прах. Я увидел собственными глазами, что они ошибались. За себя и за близких нужно бороться. Тогда я набросился на бугая и принялся неумело колотить его кулаками. Бугай в ответ расквасил мне нос легким движением. Мне на грудь капалась кровь из разбитого носа, я ревел, но налетел на него снова. Толчок – и я при падении отбил копчик. Боль была такой, словно мне в низ позвоночника вонзили толстый металлический штырь. Но я не остановился. А налетел на бугая снова и снова, получая удар или тычок, падая – и снова вскакивая. Пока вдруг превосходящий меня в силе, опыте и всем остальном бугай не понял – я не сдамся. Хоть башку мне открути. А к этому он не был готов.

В тот момент он проиграл. А я получил самый важный урок в моей тогда еще такой короткой жизни.

Я вспомнил свое 20-летие. Брату было 12, он поступал в институт, и ему было не до веселья. Я приперся домой мертвецки пьяным. А Сергей был первым, кто увидел мою татуировку на задней стороне шеи. Череп мертвеца, сжимающий в зубах автоматный патрон и смотрящий на тебя черными впадинами глаз. Проснулся я в обед, еще хмельной после вчерашнего. Сергей спросил, зачем эта татуировка.

«Это боец, – сказал я. – Помнишь, ты мне книжку давал? Про касты? Там было написано про кшатриев. Каста воинов». Сергей не понимал, при чем здесь книжка. «Чувак на татухе мертв, от него остался голый пустой череп. И оружия у него больше нет. Его песенка типа спета. Но он зажимает своими зубами последний патрон. Потому что он не сдастся. Он умер, но сдаваться не собирается. Если ты готов сдохнуть, но не сдаться, ты непобедим. Запомни это, братан».

Я был пафосным придурком, уверенным, что добьюсь в этой жизни всего.

А в день, когда моего 12-летнего брата избили по пути из школы, я сорвался на него.

«И ты ничего им не сделал?!» «Их было трое». «Какая разница, сколько их было?!» «Тебе хорошо говорить, ты драчун!». Я влепил ему пощечину, целясь по здоровой стороне лица. «Почему ты такая сволочь?!», – кричал Сергей, глядя на меня с ненавистью. Я снова влепил ему пощечину. «Потому что я твой старший брат. Я должен быть сволочью. Это мои обязанности!». Сергей разревелся. А я крепко обнял его. Он уткнулся в мое плечо, продолжая реветь. «Может, я был неправ, – нехотя признал я. – Да я и не должен всегда быть прав. Ты можешь обижаться, пожаловаться на меня предкам. Но ты же знаешь, что я за тебя жизнь отдам, если надо будет. Ты знаешь об этом?». Сергей кивнул, сотрясаясь от рыданий. Я отстранил его и встряхнул за плечи. «Они узнали, что тебя можно отлупить просто так. И они сделают это снова. Ты себя так поставил. А я не хочу, чтобы тебя держали за лоха. Не потому, что мне будет стыдно с тобой общаться. Наоборот, потому что ты для меня важен». «И что мне делать?», – Сергей шмыгал носом и размазывал слезы и сопли по лицу. «Поставить их на место. Научиться стоять за себя».

Я тебе сто раз предлагал научиться, а ты не хотел. Теперь понимаешь, что это НУЖНО? Это твой долг, Серега. Если не бороться за свою жизнь – зачем тогда вообще жить?».

Сейчас Сергей был умнее меня в сто раз. Он был начитанным, хотя иногда заставлял читать и меня – те книги, которые поразили его больше других. Он был толковым специалистом, несмотря на возраст, и все знали, что он далеко пойдет. Но для меня он всегда будет тем сопливым зареванным мальчишкой, который верил в меня. Верил в то, что я помогу изменить ему самую сложную для него ситуацию.

Сейчас я должен был сделать то же самое. Поверить в себя. Поверить, что я снова смогу все исправить и помочь брату. И поверить в него. В то, что все эти внушения, которые я вбивал в него в подростковом возрасте, отложились у него где-то глубоко в подкорке. И сейчас он выжил, потому что его брат полжизни учил его этому.

Уснул я, когда за окном начинало светать. Во сне я шел по пустому ночному городу-призраку, с трудом продираясь сквозь темноту. Я искал Сергея. Я кричал его имя и вслушивался в зловещую тишину.

А потом я увидел темный силуэт впереди и побежал к нему. Я знал, что это Сергей. Силуэт бросился удирать. Я кричал, звал его и просил остановиться, но тот не слушался. Он исчезал за каждым углом, к которому приближался, но я увеличивал скорость и снова видел его за поворотом – а потом силуэт скрывался за очередным призрачным зданием.

Так продолжалось, пока я не зажал его в подвале, куда силуэт юркнул. Щурясь и пытаюсь разглядеть Сергея в темноте, я крался вперед и звал его.

А потом я увидел силуэт. Он лежал на земле, обведенный мелом – как в кино обводят трупы. Силуэт поднял голову, и я с ужасом для себя увидел, что у него нет лица. Вместо лица была пустота. И эта черная пустота захрипела голосом Сергея: «Помоги мне!».

Я проснулся, мокрый от холодного мерзкого пота. Я тяжело дышал и хотел бежать куда-то. Или спасти Сергея, или прятаться от того кошмара, которым он стал в моем сновидении.

Это был сон. Я уронил голову на подушку, восстанавливая дыхание.

И вдруг понял, что мне нужно делать. Это было так просто. Почему я не сообразил сразу и потерял несколько дней, занимаясь всякой ерундой?

«Брат, я иду к тебе», – послал я ему мысленный сигнал, заставляя себя верить, что Сергей услышит.

4

Женя листала распечатку. На ней был домашний халат и шлепанцы. Она недавно принимала душ, волосы были влажные.

– Так сразу все номера я не вспомню. Это надо сидеть, копать. Проверять номера в телефоне. Хотя пару номеров я знаю. Это вот Маринка, моя подружка. Она иногда звонит Сергею, когда до меня не может дозвониться.

– Красивая?

– Сергей ее не интересуют.

– Я для себя спрашиваю.

Женя нетерпеливо покачала головой. Она не была расположена к юмору.

– А вот это доставка пиццы. Мы частенько туда звоним. Вот моя работа. У меня баланс сел, и я Сергею звонила с рабочего.

– Там триста звонков. Вряд ли ты сейчас все вспомнишь.

Женя кивнула и положила бумаги на край стола.

– Я займусь этим. Не успокоюсь, пока не проверю каждый номер. Не знаю, сколько это времени займет. Если найду что-нибудь, позвоню тебе. Хорошо?

– Лады.

Женя помолчала. Неловкая пауза, будь она неладна.

– Будешь чай? Или кофе?

Предложение было заманчивое. Я спал очень мало, и мозги соображали туго, а глаза слипались. В СИЗО был режим, какой-то намек на порядок. Здесь же творилось черт знает что.

Я согласился на кофе. Спросил, где можно покурить. Женя поморщилась и указала на дверь. Пришлось идти на площадку. Когда я вернулся, ароматная кружка кофе манила к себе.

– Почему ты такой?

– Прости?

– Почему ты такой? – повторила Женя. – Мы с тобой мало общались. Ну, ты знаешь, почему. И вот я смотрю на тебя... Ты не похож на обычного гопника. Каким тебя все называют, в том числе и ты сам.

– Я никак себя не называю.

– Разве?

– Как ты называешь себя? Гламурная мадам? Фитоняшка? Фанатка Цоя?

Женя поморщилась.

– Понимаю, о чем ты.

– Я тоже не выношу любую принадлежность, так сказать, к социальным группам. Все эти ярлыки и знаки отличия, которыми люди себя увешивают, делают их похожими на индейцев. Если кто-то гопник, то он обязан коротко стричься, грызть семечки и сидеть на корточках. Если ты ботаник, то очки и дурацкая стрижка, как без них. Пенсионерка? – обязательно нужно сидеть на лавочке и говорить со всеми про болезни и смерть. Меня это убивает. Люди с легкостью отказываются от себя и принимают чужие шаблоны, чтобы следовать им всю оставшуюся жизнь. – я усмехнулся. – Знаешь, я пожму руку гопнику в очках и со стрижкой ботаника. Это значит, что ему плевать, что о нем подумают. Значит, у него внутри есть что-то свое. Все остальные только на словах хотят быть личностью. Но все силы бросают на то, чтобы соответствовать стаду.

– Да, – удивленно отозвалась Женя. – Наверное.

– Не наверное. – я махнул рукой. – Посмотри вокруг. Женщины выщипывают брови, а потом рисуют их фломастером. Это новая мода. Все ходят в церковь, потому что это модно,

но никто даже не пытался читать библию. В храме одной рукой крестятся, а другой делают селфи. На селфи все вообще помешались настолько, что каждый день можно прочесть, как очередной человек, казалось бы, умный, падает с моста, срывается с обрыва или калечится под колесами ради удачного кадра. Фотографировать себя – наше все. А потом править себя в фотопроцессоре, чтобы скрыть, как мы выглядим на самом деле. Жрать еду с ГМО, которая вызывает рак, но беспокоиться только о плоском животе в зеркале. Отмечать Хэллоуин и день святого Валентина, хотя это католические праздники – просто потому, что делать это им сказал телевизор... Все вокруг сошли с ума. Я не хочу быть частью этого.

Женя задумчиво смотрела на меня.

– Ты мне сейчас так Сергея напоминаешь...

Я пожал плечами и вдохнул.

– Брат учил меня читать. Практически заставлял. Ты удивишься, но я хорошо знаю Достоевского, Ремарка, Борхеса. А я... взамен я мог ему дать только одно. Стоять за себя и никогда не сдаваться.

Женя закусил губу.

– Надеюсь, ты это делал хорошо.

– Скоро узнаем. Я еду за ним.

Женя выкатила на меня глаза.

– Что?

– Ты слышала. Я покупаю билет на поезд «Москва-Оренбург». И еду искать брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.